

БОРИС СТОМАХИН

АЗБУКА СВОБОДЫ

Київ • 2019

Стомахин Б. Азбука свободы. — К.: ДИА, 2019. — 100 с.

ISBN

Это книга о свободе: о том, что такое свобода, как надо её понимать и как отстаивать.

Наступление на свободу ведётся нынче в мире широким фронтом, коалицией, таким «священным союзом» разномастных реакционных сил и целых империй. Это своего рода «гибридная война». И одним из важнейших её приёмов является подмена понятий, в том числе и фундаментального понятия «свобода». Жульническое подсовывание в качестве «свободы», как и «прав человека», — всевозможных привилегий одних групп населения за счёт других.

Борьбе с этим циничным жульничеством и подтасовками, в отстаивании подлинного смысла понятия «свобода» и должна сыграть свою роль данная книга.

ПРЕДИСЛОВИЕ К «АЗБУКЕ СВОБОДЫ»

Как ни банально прозвучит, но судьба этой книги необычна. Она написана в тюрьме. Мало того: её первую и вторую части разделяет дистанция в пять лет (причём, разумеется, замысел не был таким изначально). Книга резюмирует, таким образом, весь мой второй тюремно-лагерный срок (2012–2019 гг.). Она начата в 2014-м — почти в начале его и во время процесса надо мной в Бутырском «суде» Москвы — в Медведковской тюрьме. Окончена в Балашовской крытой тюрьме под самый его конец. На сегодня, когда я пишу эти строки, сидеть мне остаётся около трёх месяцев.

«Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь: оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики», — писал в своё время Лермонтов.

Но цель данного сочинения, я полагаю, видна уже из его заглавия. Это книга о свободе: о том, что такое свобода, как надо её понимать и как отстаивать. Что же до ответа на «критики» традиционалистов, тоталитаристов, моралистов, социалистов, государственников, почвенников, религиозников, мистиков etc. — то отвечать, собственно, нет смысла: всё равно не поймут. Всё, что я имел и имею им сказать, они могут прочесть ниже, в предлагаемом труде. Для этого он и писался. Об «оправданиях» же перед этой публикой вообще не может быть и речи.

Остаётся лишь принести краткие извинения читателю за технические, так сказать, недостатки, вызванные, как уже сказано выше, превратностями её — и моей — судьбы. В частности — и, наверное, прежде всего — за повторы. Так вышло, что вторая часть писалась независимо от первой — хоть и с оглядкой на неё, именно как вторая часть, — и в ней неизбежно было упоминание тем, уже освещённых за несколько лет до того. Выбрасывать их потом и искусственно подравнивать обе части по линейке, подводить их под общий знаменатель — показалось мне неправильным. Тем паче, что повторов этих не так уж много, трагедии в них никакой нет, а одни и те же темы они освещают — с промежутком в пять лет моего весьма нерядового тюремного опыта — под разными углами зрения и с разной подробностью. О го-

сударстве в первой части упоминается лишь как об «охраннике рынка» или его же «ночном стороже» — вторая часть посвящена государству практически целиком: после долгих лет пребывания в его когтях у меня возникла в начале 2019 г. настоятельная потребность изложить на бумаге и тем самым систематизировать, упорядочить мои взгляды на государство в свете моего личного опыта общения с ним. Зато о таком специфическом инструменте государства, как «органы опеки над несовершеннолетними», ставшими де факто в России органами нарушения прав взрослых, подробнее говорится в первой части, а во второй упоминается лишь мимоходом. («Опека» должна быть, разумеется, полностью упразднена.)

Часто и со множеством повторов говорится в обеих частях также о России. Если это и недостаток, то вполне простительный и объяснимый: книга писалась, повторяю, не только и не просто в России, а в самом, так сказать, средоточии Зла: в российских тюрьмах, в том числе на крытой тюрьме. («Высший градус наказания — крытка», — писала в 1992 г. Новодворская в своих мемуарах.) Так что если государство вообще, как таковое, есть враг свободы (и всё, что я говорю о нём, так сказать, теоретически — вполне приложимо и к другим странам, к той же Украине, например), то государство российское, в лице его спецслужб, бюрократии, полиции и тюремщиков, — это настоящий апофеоз Зла, высшая (или, точнее, низшая) точка несвободы, несправия, издевательства и попрания человеческого достоинства в мире. (Может быть, узбекские, иранские и северокаорейские тюрьмы куда хуже, не спорю. Но это «хуже» нивелируется тем, что данные страны отнюдь не претендуют играть в мире настолько глобальную роль и так бессовестно поучать человечество, как ему жить, как это делает Россия.) Апофеоз Зла, рабства, несвободы, источник постоянной угрозы всему цивилизованному миру, агрессоры вовне и каратели внутри — как было постоянно не упоминать Россию, этот ярчайший антипример, в книге о свободе, пишущейся по-русски в российских тюрьмах?! Но истина ведь и в самом деле не тускнеет от повторения.

Сделать Россию или, допустим, Китай свободными странами — надо сказать прямо — шансов практически нет, так как это противоречило бы самой их природе. Единственный шанс — ликвидировать эти страны вообще, как таковые, как субъекты международного права. Исконная — и законная — территория москвитов — это междуречье Волги и Оки, не более того. (Забавно представить, как посмотрит на

это вильнюсский «Форум свободной России», например.) А Китай уж как минимум незаконно удерживает в своём составе оккупированные им Тибет и Уйгурстан, коим надлежит оказывать в их борьбе за независимость всяческую поддержку.

Главной же заботой свободной (пока ещё) части человечества остаётся защита своей свободы, противостояние попыткам отнять её — как со стороны рабства, оформленного в виде мировых держав — постоянных членов СБ ООН (те же Россия и Китай), так и со стороны массовой миграции с Юга и (зачастую её поддерживающих) своих собственных, внутренних врагов свободы: тех самых традиционалистов, моралистов, религиозников разных конфессий, левых и пр., столь же нередко опирающихся сначала на поддержку России.

Наступление на свободу ведётся нынче в мире широким фронтом, коалицией, таким «священным союзом» разномастных реакционных сил и целых империй. Это тоже своего рода «гибридная война», как в Восточной Украине. И одним из важнейших её приёмов является подмена понятий, в том числе и фундаментального понятия «свобода». Жульническое подсовывание в качестве «свободы», как и «прав человека», — всевозможных привилегий одних групп населения за счёт других. Будь то пресловутые «чуйства верующих» с затыканием рта атеистам и другим конфессиям, или пещерно-гомофобное «право» на разгон гей-парадов и дискриминацию секс-меньшинств — или же пресловутые «права трудящихся» за счёт прав работодателей. И т.д. и т.п.

Очень надеюсь, что в борьбе с этим циничным жульничеством и подтасовками, в отстаивании подлинного смысла понятия «свобода» сыграет свою роль и данная книга.

Борис Стомахин

26 июня 2019 года

Балашовская крытая тюрьма

«АЗБУКА СВОБОДЫ»

«Мать свободы — это инстинкт бунта, сатанинское Нет, эта абсолютная противоположность богословскому Да.»

Михаил Бакунин

«Скалу, преграждающую мне путь, я обхожу до тех пор, пока у меня не наберется достаточно пороха, чтобы взорвать ее; законы данного народа я обхожу до тех пор, пока не соберусь с силами, чтобы уничтожить их.»

Макс Штирнер

«Революция, гражданский риск, — это черная вода ледохода. Выберем льдину покрепче и оттолкнемся от нашего проклятого ледяного тоталитарного берега в тисках вечной зимы и Белого Безмолвия. Мы не знаем, кто утонет по дороге, когда льдина перевернется, не раздавит ли ее встречным айсбергом. В этой реке интересно выплыть и интересно утонуть. Мы за 73 года чем только не захлебывались: кровью, грязью, страхом, нечистотами. А сейчас у нас есть ни с чем не сравнимая радость: захлебнуться Свободой.»

Валерия Новодворская

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1 Куда катится мир? — этот вопрос волнует сегодня многие головы. Вопрос не нов; будущее пугало людей всегда. В советское время наши сограждане, обыватели СССР, не были ни добрее, ни искреннее, ни человечнее, ни даже улыбчивее, как это принято считать сейчас. Страх перед будущим, да даже и перед настоящим, всегда вот так подпитывает ностальгию и искажает ближайшую историю — вчерашний и позавчерашний день.

А если даже и впрямь мир катится куда-то, в какой-то непредставимый ужас, в какую-то черную дыру, — так стоит ли его жалеть? Тем паче, что спасти его от гибели — сил едва ли хватит. Может быть, лучше пойти истории навстречу, воспользоваться известным принципом Ницше: «Падающего — толкни!»?..

Основные, ведущие радикальные (революционные) пассионарные тенденции современного мира, — это ислам и социализм. Ислам в большей степени (после 11.9.2001), социализм в меньшей (после краха СССР); а еще одна — как бы не наиболее заметная — тенденция — это синтез ислама и социализма. На скрещении их уже давно возникают разные неординарные явления и вырастают личности вроде Ильича Рамиреса Санчеса, по кличке «Карлос», — латиноамериканского левака и мусульманина, одного из самых знаменитых террористов мира 2-й половины XX века, с 1994 г. отбывающего пожизненное заключение во Франции.

Но ни ислам, ни социализм нам не подходят: обе эти идеологии по сути отрицают права человека. Ислам навязывает ограничения и запреты — вплоть до запретов в пище и питье — от имени Аллаха; социализм, даже самый «демократический» и «либертарный», проповедует открытый грабеж, называемый его адептами «национализацией».

2 Собственно говоря, последователи в этом мире найдутся у всего, у любой, даже самой безумной с виду, идеи, у любого харизматичого лидера и идеолога — от Христа до Жириновского и от Достоевского до Карлоса (Ильича). Почему же у радикальной свободы — в ее тотальном, абсолютном понимании — не может быть сторонников? Они есть, конечно же. Просто их значительно меньше,

чем сторонников социализма и ислама, особенно же — в России. Тут их нет почти совсем. По убывающей: США — Европа (с Запада на Восток) — Россия, — вот так, наверное, выглядит расклад количества духовно свободных людей в мире.

Россия, конечно, как свободная страна, давно и абсолютно безнадежна, об этом говорилось уже много раз, — это страна рабов, обожающих и защищающих своё рабство, плети, цепи и своих рабовладельцев. Но всё же — может быть, кому-нибудь и в этой гиблой, пропащей, безнадежной стране будет небесполезна эта написанная по-русски попытка объяснения, — толкование свободы в самом радикальном и бескомпромиссном ее формате..

О Достоевском мы упомянули тут не зря. «Если бога нет, то все позволено», — формула, вызывающая предельный ужас у всякого рода моралистов, церковников, государственников, имперцев и пр. и пр., да и просто у обывателей. Между тем — эта формула, действующая на них как крестное знамение на нечистую силу 😊), дивно хороша именно как формула радикальной свободы.

Бога, разумеется, нет и никогда не было, — просто потому, что нет никаких рациональных доказательств его существования. (То, что картина, висящая на стене, обязательно написана художником, а не возникла сама по себе; как и теория о том, что, мол, не мог же такой изумительно красивый и идеально гармоничный мир возникнуть сам по себе, — за доказательства не катят — хотя бы по той простой причине, что мир вовсе не красив и не гармоничен, а уродлив и хаотичен.) Ну, а что касается «все позволено», — да, по умолчанию ВСЕ как раз и должно быть позволено; просто потому, что ни у кого из людей нет права запрещать что-то другим людям.

Чтобы понять суть этой радикальной свободы, нам от многого придется отказаться в своем мировоззрении. В России, конечно же, от гораздо большего, чем в Европе, хотя хватает баракла в головах и там. От чего же именно? Грубо говоря — от множества табу, навязанных еще советским воспитанием, а поверх него — и современной «политкорректностью».

Например, от ложного гуманизма, навязшего уже в зубах и ставшего тем, чем пытка электротоком является по сравнению со средневековой пыткой клещами на дыбе. От ложного идолища «человеческой жизни как высшей ценности», — просто потому, что, например, жизнь тюремщика никак не может быть высшей ценностью для заключенного.

(Послушать некоторых «правозащитников» — так и крыс тоже нельзя травить, и тараканов морить, — ведь они же все тоже имеют право на жизнь!..) От нелепых издержек этого «гуманизма» типа тех, когда заведомо нежизнеспособный с первых минут жизни ребенок спасается современными высшими достижениями медицины — и на всю жизнь ложится тяжким бременем на бюджет, то бишь — на кошельки налогоплательщиков; или когда таким же святым долгом гуманности и доброты считается платить пенсию уродцу, отморожившему по пьяни обе руки, упав в снег и заснув за 2 шага от своего дома, но потом, уже без рук, сумевшему-таки совершить кражу и сидящему за это в лагере. Зачем это надо — доброта к уродцам и негодьям за чужой счет — и кому? И еще много-много от чего в таком же духе придется отказаться. «Падающего — толкни!»; выживание слабейших и ничтожных понижает общую планку. Выживать должны сильнейшие; чтобы выжить, надо стремиться стать сильным, — а не надеяться на государство, которое, в свою очередь, не имеет никакого права разоружать сильных, искусственно уравнивать их со слабыми, навязывать всем равенство на самых жалких и отстающих, да еще и заставлять содержать этих отстающих и нежизнеспособных за счет нормальных.

В этом смысле — больше политическом уже, нежели экономическом и социальном — хороший пример явил собой когда-то, еще в 90-е, Эдичка Лимонов, написав статью «Черный список народов», за которую его потом пытались обвинять по 282-й. То, что «плохие» народы и коллективная вина народов существуют, он чуть ли не первый за все последние десятилетия сказал внятно и открыто, — в этом его заслуга (если не считать, правда, всякой совсем уж маргинальной антисемитской пачкотни «патриотов» из разных ветвей «Памяти» еще с 80-х, но это к делу не относится), — хотя, конечно, первым в этот список следовало бы занести его собственный народ, а не хорватов, которых имел там Эдичка в виду. И если в некоем обвинительном заключении 2013 года по 280-282-205.2 говорится: «Пропагандировал неполноценность русских как группы лиц, выделяемой по национальному признаку», — то почему бы, в самом деле, и не признать вполне открыто неполноценность русских?! Да, конечно же, этот народ генетических рабов и холопов неполноценен, — а разве рабы, да еще добровольные, да еще ненавидящие свободу, могут считаться полноценными людьми? И коллективная вина их — русских — скажем, за геноцид чеченцев, за Голодомор в Украине, за массовые убийства и

депортации поляков, литовцев, эстонцев, латышей, черкесов, тех же украинцев, и не только в XX веке, но и в XIX как минимум, — разве это не установленный факт? Словом, от этого нелепого табу, от наивной веры в то, что «плохих народов не бывает», что о народах низ-зя плохо говорить именно как о народах, — нам надо избавляться. Как, скажем, и от наивной — базирующейся на глобальной мифе о советской «победе» 1945 года — веры в то, что Россия, мол, извечно и изначально непобедима, неуязвима, ее якобы нельзя взять военной силой, она якобы всегда побеждала всех своих «врагов», что нападали в истории якобы только на нее (на самом деле она практически всегда нападала сама, или же активно готовила нападение, как летом 1941-го), и т.д. и т.п. Вера в какие-либо табу — религиозные, «политкорректные», а уж тем паче в советские еще мифы — ни с какой свободой несовместима абсолютно.

То бишь, надо изменить саму парадигму сознания, — советскую еще в России, левую — в Европе. Отказаться от этого незримо довлеющего, даже и не осознаваемого до конца убеждения, что конец должен быть — в конце всех концов — непременно счастливым. Что всех и всегда, в любом случае надо (стремиться) спасти, накормить, обогреть. (Почему европейские леваки, так пекущиеся о жертвах голода, засухи и землетрясений в черной Африке, 10–15 лет назад так лениво и неохотно брались спасать чеченцев — европейцев!! — если вообще брались?!. Или русское ядерное оружие даже на солидном расстоянии нейтрализует их гуманистические принципы?..) Левое представление о справедливости как о результате насильственного передела материальных благ в сторону уравниловки должно быть заменено либертарианским (или правым, если хотите) представлением о справедливости. Сформулируем его так:

3 Кто чем владеет — да владеет! То бишь, кто, как и сколько нажил — естественным путем, без переделов, раскулачиваний, экспроприаций и т.п. государственных актов насилия, — то у того и должно быть. Высшая справедливость — в следовании естественному ходу экономических процессов и в принципиальном отказе от любых «пересмотров итогов приватизации». (Ибо сторонники этого лозунга уже появились в России даже среди разумного — либерального — меньшинства. ☹ С насильственного отбирания имущества, раскулачивания и деления отобранного на всех остальных (поровну ли, или

«по едокам», — неважно) начинается кровь и тоталитаризм — и ничего иного. Ограбленных/раскулаченных потом же непременно надо будет всех перебить, чтобы они своими рассказами не омрачали дух «победившего социализма» и не портили фасад «всеобщего равенства». Потом — их жён, детей, дальнюю родню; специальные вопросы в анкетах, лагеря для «жен врагов народа» и т.д и т.п., — словом, всё, что мы проходили уже в сталинском СССР.

Ну и — еще один штришок к нашему пониманию свободы — «Как потопаешь, так и полопаешь», — любимая поговорка Новодворской.

То бишь, главная проблема «социальной справедливости» — это не как бы всех непременно спасти, накормить и обогреть; не «преодоление имущественного расслоения» и не «борьба с бедностью», о которой теперь говорит даже Папа Римский Франциск, — а как раз наоборот: недопущение любых попыток насильственного отъёма, передела, каких-либо насильственных уравнилельных мер, национализаций и т.п. Для недопущения этой красной чумы вполне годятся даже такие люди, как Пиночет, и такие меры, какие Пиночет предпринял в Чили в 1973 г., — другого выхода, поверьте, у него не было. Потому что уравниловка и национализация — это не только наглешее попрание прав всех, у кого отбирают (дабы отдать халявщикам, нищелбродам, алкашам и лузерам, не способным самостоятельно заработать), — но это прямой и неизбежный путь к крови куда большей, к расправам гораздо более массовым, — будь то режим Сталина, Мао Цзэдуна или Пол Пота...

Нет уж, пусть всё идет как идет! «Имущественное расслоение», даже самое гигантское, всё же куда предпочтительнее тотального имущественного равенства в лагерных бараках, где у всех имущество одинаковое — кружка, ложка да телогрейка. И любые, даже самые мягчайшие «евролевые», сурово осуждающие — на словах — Сталина, любые «шведский», «норвежский», «финский» и прочие социализмы, — это путь все равно туда же, в тот же барак, если только просчитать и развернуть логику этого пути до самого конца. Собственно, в «Атлант расправил плечи» у Айн Рэнд и показано превращение свободной Америки в такое вот тоталитарное социалистическое государство, — и в этом смысле «Атланта» можно вполне считать антиутопией, стоящей в одном ряду с «1984» Оруэлла и «Дивным новым миром» Хаксли.

«Гуманистические» представления — советские и современные евролевые — вообще господствуют сейчас в мире, по любым вопросам.

Пришла пора сформулировать им достойную альтернативу, помня о том, что: 1) бога нет; 2) все позволено. ☺

Все очень просто. Свобода абсолютна, ни на какие запреты другим людям никто попросту не имеет права (запрещайте самим себе — и только! — если уж так тянет запрещать!!). Единственный регулятор свободы — не «моральный», не «божественный» и т.п., а чисто утилитарный и прагматический: свобода махать кулаками заканчивается в 5 см от носа соседа. То бишь, можешь махать и ближе — если не боишься соседа, не жалко своего собственного носа, вообще море по колено, и т.д. Но — будь готов к реакции с его (соседа) стороны. Сам принимаешь решение — и сам отвечаешь за него, винить некого. Лезешь в чужой сад за яблоками — думай сам, заряд соли получишь в задницу — или же пулю. Просчитывай варианты самостоятельно и загодя, а если не угадал — никто тебе не виноват, кроме тебя самого. Вот это и есть свобода.

Вообще, принципы действительно свободного (либертарианского) общества можно кратко сформулировать так:

Никто никому ничего не должен.

Каждый сам за себя.

Человек человеку — никто.

Собственно, это то же самое, что современная нам Либертарианская партия Андрея Шальнева, любящая ссылаться на западных классиков, формулирует как «запрет агрессивного насилия», — только другими словами. Право на самооборону от нападения или какой-то другой формы агрессии абсолютно. Права нападать первым не имеет никто — именно потому, что «никто никому ничего не должен», это аннулирует любые поводы для агрессии.

Это, так сказать, азбука свободы, самые азы её.

То бишь, свободное общество — это общество свободных и независимых друг от друга (и тем паче от государства) личностей, связанных между собой лишь свободными рыночными отношениями — отношениями купли-продажи товаров и услуг. Любые отношения в таком обществе сугубо добровольны, — вот он, «запрет агрессивного насилия» другими словами!.. Естественно, в таком обществе не может быть и речи не только ни о каких «священных долгах» перед государством, но и — о каком-то обязательном «моральном долге» перед родителями, детьми и т.д. Об алиментах, например. Да, а как вы хотели, мадам?.. Жизнь — суровая штука. Никто никому ничего не должен!

Слово «атомизация» в современном (левом, как правило) контексте имеет обычно негативный смысл. На самом же деле — это именно то, к чему надо стремиться, и три вышеназванных принципа позволяют это! Ни с какими «социальными» обязательствами, навязываемыми человеку семьей, религией, государством и т.д., они не совместимы, — и это прекрасно! Конечно, на ограничения, налагаемые «богом», свободный человек может и согласиться — но только сугубо добровольно. Наказать его за их нарушение может (от имени «бога») община таких же верующих — но только при условии, что он состоит в ней полностью добровольно и в любой момент может выйти. Община азербайджанцев, конечно, будет иметь в таком обществе право коллективно (добровольно для каждого члена общины) вытаскивать своего члена из ментовки, — но только это не будет там нужно, ибо не будет ни нынешних ментов, ни нынешних «правил регистрации», ни арестов за её отсутствие. Разумеется, не может быть и речи о навязывании общиной чего-либо своему члену ПРОТИВ ЕГО ВОЛИ, — например, чтобы женщины-мусульманки, как сейчас, не имели права водить автомобиль, выходить из дома без сопровождения мужчин, ходить по улице с непокрытой головой (при этом не может быть и речи о нынешних государственных запретах на хиджабы/никабы для тех, кому они нравятся), и т.д.

Государство — это, согласно известной теории, всего лишь ночной сторож при рынке. А полномочия ночного сторожа очень ограничены; даже если его считать и дневным охранником, то охранник рынка ни в коем случае не может ни диктовать продавцам цены на их товар; ни указывать, где именно и кому торговать на рынке; ни запрещать другим торговцам торговать вне территории рынка, просто с ящиков у остановки, где не надо платить администрации рынка за место, и т.д. Всё это совершенно вне полномочий охранника — хоть ночного, хоть дневного. И вот эту истину русским — вековым государственным рабам — стоило бы усвоить особенно тщательно, вызубрить наизусть.

Вот, собственно, в этом и состоит главнейшее, изначальное, фундаментальное различие России и Запада. На примере Америки этот Запад ощущается особенно рельефно. Там собираются свободные, независимые, вооруженные люди, каждый ведет свое хозяйство, владеет имуществом, — и они учреждают себе правительство, нанимают группу

менеджеров, чтобы те делали для них, в интересах этих хозяев, рутинную конторскую работу за определенную плату в течение определенного срока. Они избирают шерифа — того самого ночного сторожа при рынке — чтобы он охранял их покой, жизнь и собственность. То есть, люди здесь первичны, они — абсолют, основа государства, которое есть лишь группа наемных менеджеров и охранников с ограниченными полномочиями, — вот уж буквально «слуги народа»!..

А в России — в России изначально есть только власть (так или иначе олицетворяемая фигурой «царя», даже если формально это Генсек ЦК КПСС), сакральная, божественная по своей природе, непогрешимая, несменяемая, недоступная простым смертным, не прощающая не только никакой критики, но ни малейшего даже сомнения в своей сакральности и непогрешимости. Население же страны — все, вплоть до высших бояр/членов Политбюро — суть рабы, холопы этой власти, собственной субъектности вообще не имеющие; её холопы, с которыми власть может делать абсолютно все, что захочет, — что и нашло свое высшее выражение в известной фразе из письма Ивана Грозного английской королеве: «Я, царь и великий князь, в своих холопах волен». И сегодня, когда в конституции 1993 г. записано, что вся власть принадлежит народу и что право на жизнь неприкосновенно, — де-факто все равно в отношении людишек, населяющих Россию, действует формула Ивана Грозного, а не ельцинской конституции. Самое же омерзительное, — что им, рабам черт знает в каком поколении, такое положение нравится; они вполне довольны своим рабством, они защищали его в таких острых ситуациях, как правление Лжедмитрия I (пытавшегося их освободить), 1941 год, уничтожали свободу чеченцев в Грозном — что в 1995-м, что в 2000-м. Свою свободу они ненавидят, как и чужую, — именно поэтому русские агрессоры и уничтожали веками свободу всех соседних с ними народов, от польского до чеченского... Потому-то и зовут Америку и Европу «свободный мир», а Россию, с давнего времени — «страна рабов». «Жалкая нация, нация рабов, с низу доверху все сплошь рабы» (Чернышевский, «Пролог»)...

* * *

Итак, все отношения в свободе — отношения купли-продажи товаров и услуг. Каждый имеет право быть альтруистом — но ни у кого нет права заставлять ДРУГИХ быть альтруистами. Государство не имеет

никакого права лезть в экономику, в торговлю, в бизнес, в частную жизнь, никому ничего навязывать, — его функции только охранные, и охраняет оно жизнь и собственность граждан от частных посягательств (а не от себя самого, не от пыток в ментовках и на зонах, как в современной России).

Так что, вопреки лозунгам левых, знания, медпомощь и все такого рода услуги — вполне себе товар. Врач, учитель и любой профессионал с высшим образованием имеет полное право работать не ради «спасения людей» и т.п. высоких романтических целей — а исключительно ради продажи своих услуг на рынке. Цену имеет право назначать любую; единственный ограничитель цены — конкуренция: слишком задерет цены по сравнению с коллегами — прогорит. «Клятва Гиппократа» при этом подходе теряет смысл так же, как и бюджетная медицина (или образование), — то и другое можно просто отменить. Собственно, принудительное изъятие части зарплаты в счет налогов, практикуемое сейчас, — по стандартам свободы есть самый натуральный государственный грабеж, который должен быть безоговорочно отменен. Врачи/учителя и прочие бюджетники эмансипируются от государства и пускаются в свободное плавание — зарабатывать деньги продажей своих стопроцентно платных услуг на рынке. Жалостливые вопли левых: «А как же быть тому, кто смертельно болен и не имеет денег на лечение?!!!» — не принимаются во внимание: смерть в конце концов все равно неизбежна, она — естественный регулятор и ограничитель всех наших физиологических процессов и общественных теорий. Врачам, которые из жалости или альтруизма захотят кого-то лечить бесплатно, никто, разумеется, не вправе этого запретить, — как, впрочем, и гражданам, желающим добровольно отстегнуть государству денег на его нужды (налоги). С этим, впрочем, тема отдельная, — после немедленной и неизбежной отмены всеобщего избирательного права, позволяющего всякому пьяному быдлу «по приколу» голосовать за Жирика и тем определять курс страны, — можно будет сконфигурировать избирательные цензы, например, так, чтобы право голосовать имел (при наличии справки с печатью) лишь заплативший налогов не меньше определенной суммы.

Свободное либертарианское государство, следующее трем вышеупомянутым принципам, легко разрешит и главную проблему современного мира вообще и России — в особенности. Ибо главная эта проблема — совсем не «имущественное расслоение», конечно же,

а ПРАВА МЕНЬШИНСТВ. Проблема, совершенно неразрешимая в нынешней советско-черносотенно-фундаменталистской России, где власть, дабы властвовать бесконечно, активно потакает наиболее темным и реакционным инстинктам населяющего страну быдла, не могущего даже всерьез считаться людьми.

* * *

Почему, собственно, так упорно, тоталитарно, железобетонно отказывает нынешнее российское государство в регистрации однополых браков (и, наоборот, делает активные шаги к запрету не только «гомопропаганды», но и геев как таковых)? Говорят, что «церковь» очень против (имеется в виду спецотдел КГБ, созданный Сталиным в 1943 г. и названный РПЦ). Толпы фашистов и черносотенцев всех форматов и мастей прибегают бить горсточку геев, собирающихся (вопреки тотальным запретам государства) на свои уличные акции. Фашистское государство, активно поддерживаемое фашистским населением и подпитывающееся от него, — симбиоз быдла, бюрократии и полиции против основополагающих прав меньшинств, так сказать. Формально же — у однополых пар просто не принимают в ЗАГСы заявления, ссылаясь на строчку в Семейном кодексе, что «брак — это союз мужчины и женщины».

Конечно, раздаются и голоса, что брак, мол, это вообще пережиток феодализма, крепостничества и т. д., не нужный сам по себе не только однополым парам, но и разнополым. Оно так, конечно, кто бы спорил. Но — речь идёт тут скорее о настоящем, чем о будущем; и покуда брак как юридический институт всё еще существует — право на него в равной степени должны иметь как однополые, так и разнополые пары.

Так вот, о браках. В нормальном/свободном — то бишь либертарианском — обществе церковь никак не сможет влиять на чьи-либо браки, т.к. будет сурово ограничена законом об отделении церкви от государства и о сугубо светском характере государства. Не нравится — у себя могут таких не венчать, но — не более того. Как, собственно, не сможет церковь и подавлять свободу слова, отменять и запрещать фильмы, спектакли, концерты, книги, художественные выставки и пр., как сейчас. (А преступная организация «Московская патриархия» вообще будет неминуемо распущена, запрещена и подвергнута люстрации, как и её головное подразделение КГБ/ФСБ.)

Семейный кодекс легко может быть вообще отменен за ненужностью, — чем меньше законов, тем больше свободы. О каких-либо «моральных», «нравственных» и т.п. запретах, «традиционных ценностях» и т.п. нынешней фигуре и речи, разумеется, быть не может. Браки регистрируются любые — хоть с любым полом, хоть с животным, хоть с деревом, — просто потому, что нет никаких рациональных причин их не регистрировать («традиционные ценности» за таковые не катят, естественно). Полностью легализуется, растабурируется и становится абсолютно нормальным явлением многоженство, — по желанию самих «брачующихся», так сказать, ☺ при согласии всех сторон такого брака и такой семьи. Полиция тоже освобождается — чтобы сохранить работу; и не нынешняя полиция, естественно — от любых «традиционных ценностей», «нравственностей» и «моралей» в головах — и сурово охраняет гей-парады от любых покушений фашистов. К тому же — полностью и без всяких ограничений легализуется оружие, благодаря чему участники акций секс- и прочих меньшинств могут эффективно защищать свои права сами.

Разумеется, полностью и навсегда снимаются любые (в 1-ю очередь «моральные» и «традиционные») запреты на усыновление детей однополыми парами. Усыновление ими детей ничем не отличается по правилам от усыновления разнополыми парами, — и точка. Фундаменталисты и моралисты снова в полете... ☺))))))

Если же носители «традиционных ценностей» и «защитники интересов детей», вместе с попами РПЦ, не уймутся добром, — что ж, придется бороться с ними бескомпромиссным насильственным путем, как в 20-е годы боролись, взрывая их церкви (хотя, в отличие от нашей ситуации, это и была борьба всего лишь одного мракобесного тоталитаризма с другим).

Точно так же не может существовать в свободном обществе свободных людей и проблема «педофилии», которая в нынешней России возведена (наряду с «гомопропагандой» и «экстремизмом») в ранг главного повода для массовых репрессий. Ущерб от одного человека другому может быть только и исключительно двух видов: материальный (ущерб карману) и физический (ущерб здоровью). То бишь — есть только насильники, которые насилуют человека (будь то мужчина или женщина), против его воли нанося физический ущерб здоровью, — И ВСЁ! Никаких градаций — за ребенка больше срок, чем за взрослого, за мальчика больше, чем за девочку, и прочий безумный бред

нынешней РФ — должен быть безусловно отменен. Конечно, должна быть отменена (уничтожена) сама современная РФ, — но, независимо от этого, должны быть немедленно и безусловно отменены любые статьи в УК наподобие «развратных действий» и т.п. Любой сексуальный контакт любого взрослого с любым (любого возраста) ребенком, прикосновение к его половым органам — руками ли, губами, языком, — ни в коем случае не является преступлением, т.к. не наносит ребенку никакого физического (тем паче материального) ущерба и не может быть предметом статей УК. Вопрос разрешен раз и навсегда. Если страшноужасное чудище современной РФ «педофилия» не наносит физического ущерба ребенку и при этом доставляет удовольствие взрослому, — то такие взрослые имеют полное право на этой почве хоть партию педофилов вполне легально создать — наподобие той, что так шокировала Путина в Голландии... 😊

Естественно, как страшный сон должны быть забыты наказания за «секс с несовершеннолетними», когда партнерша уже вполне половозрелая, лет 15, а ее партнеру — 17 или 18, и только немедленной свадьбой — и то не всегда — ему удается избежать попадания в тюрьму...

Да-да, ущерб от одного человека другому в рациональной свободе признается только финансовый/имущественный и физический (ущерб здоровью/жизни). Никакие «моральные», «репутационные», никакие «чувства верующих» и т.п. субъективная лабуда — не признаются категорически! Если кому-то не нравятся чье-то лицо, слова, мысли или взгляды, — твоя проблема, а прятать лицо, молчать или менять убеждения из-за тебя никто не обязан!

4 Ну и, конечно, наркотики. О-о, это огромная тема! Не только Россия — весь мир погряз в этой безумной войне с наркотиками, уже давно и очевидно проигранной, но не думающей даже прекращаться, а разрастающейся всё сильнее вширь и вглубь, губящей всё новые и новые материальные ресурсы и человеческие жизни — от погибших в нарковойнах где-нибудь в Латинской Америке до мотающих срока в русских лагерях. Безумие, очевидное и неоспоримое, которое захлестнуло мир и с которым неизвестно как бороться...

Так вот. Бороться надо не с наркотиками, а именно с борьбой против них. Все без исключения наркотики должны быть немедленно легализованы, любая уголовная и пр. ответственность за их продажу/

хранение/употребление/производство и т.д. — отменена полностью и безоговорочно (отмена всех статей 228 в УК РФ), все, сидящие за эти «преступления», — немедленно освобождены.

Любой человек — сам хозяин своего тела, сознания, здоровья и т. д. и имеет право гробить себя как хочет. Это его целиком и полностью личное дело, в которое никто не имеет права вмешиваться и что-либо человеку запрещать. Государство — ночной сторож при рынке, не более того!! — уж точно не имеет ни малейшего права ни запрещать торговать определенным видом товара (наркотиками) на этом самом рынке, ни принудительно «спасать» покупателей от наркотиков против их воли и безо всякой с их стороны просьбы. Даже близко не может быть у государства права запрещать наркотики, — вот почему, чтобы их легализовать, не нужны, собственно, даже какие-то особые «разрешительные» на сей счет законы. Достаточно просто отменить все модификации ст. 228 и все принятые до сих пор запретительные законы, — так, чтобы исчезло в принципе само понятие «запрещенные к обороту вещества». Запрещенные?!! А кто это и с какой такой стати вообразил, что он имеет право кому-то что-то запрещать?! Все любители запретов запрещать всё, что угодно, могут исключительно лишь самим себе, — вот против этого никто не будет возражать! И упорно не покупать продающийся на любом углу по три рубля героин — потому что вот конкретно им, этим любителям запретов, покупать его запрещено! Но даже детям своим — не говоря о ком-то еще! — запретить его покупать они уже не могут.

Впрочем, за детишек не стоит особенно переживать. Не только любую сексуальную информацию, но и наркотики запретители запрещают именно под предлогом «защиты детей». Но — именно запрет и создает эффект «запретного плода», на который так падки дети, — все, что запрещено, их неудержимо притягивает и провоцирует попробовать. Таким образом, легализация будет только на пользу защите здоровья детей и РЕАЛЬНОЙ борьбе с наркоманией.

Ну и — специфика именно России — наркотики здесь имеют обыкновение подкидывать человеку в карман, дабы посадить его, как правило — на срок весьма приличный. Делает это та самая полиция, наркоконтроль и другие государственные банды, что призваны с наркотиками бороться и блюсти на них строгий запрет. Вместо этого они — повсеместно, постоянно, в, так сказать, штатном режиме — занимаются грязными провокациями, калеча человеческие судьбы. Уже

одной только этой вот специфически русской практики достаточно для того, чтобы требовать полной, тотальной, абсолютной легализации не только наркотиков, а ВСЕГО, что только в этой гнусной стране может быть подброшено человеку в карман, в квартиру, в машину...

А пока что, увы, в этой безумной стране запрещено практически всё — и в основном под прикрытием «интересов» и «прав детей». Цензура интернета, права секс- и прочих меньшинств, сексуальные отношения юношества, наркотики, курительные смеси... Пока в нормальных странах вводят уроки секспросвета в школах — в России детей пичкают уроками православия...

«Заботники о детях» как будто не понимают, что столь рьяной «защитой» их «прав» они бедных детишек только подставляют, подталкивая наиболее отчаянных и решительных взрослых (правда, число таких в России ничтожно мало) детей убивать или брать в заложники, дабы заставить всех обнаглевших астаховых, милоновых и мизулиных отказаться от этой универсальной отмазки. Взорвать, к примеру, как раз в символический день — 1 июня — детский садик, после чего объяснить миру, что не надо так нагло отбирать права у взрослых, прикрываясь «защитой прав детей». Ну, если и не взорвать по-настоящему, то, в стиле баскских и ирландских сепаратистов, заминировать — и сообщить об этом анонимным звонком в полицию...

Вообще — много, много напридумывано в современном мире такого, а в России еще и искажено до такой дикой степени, что фактически мир не может разрешить проблемы, которые сам же себе и создал. Безумная — и заведомо проигрышная — война с наркотиками, о ней мы уже говорили. Или же «защита детей» тоталитарным государством, — в нынешней России она дошла до того, что их запрещают — сирот из детдомов — отдавать на усыновление в другие страны и силой полиции отбирают у тех семей, которые — по мнению государства — не в состоянии обеспечить ребёнку какие-то такие условия жизни, которые государство считает достойными. При этом никто не задает вопроса: а с какой, собственно, стати государство — всего лишь охранник при рынке — сует нос в семейную жизнь своих нанимателей?..

Что старая, патриархальная семья — это зло, было известно давно, еще 100 лет назад. Именно она сегодня, вместе с РПЦ и прочими мракобесами, стремится полностью табуировать права меньшинств, подразумевающие и право на нетрадиционную/однополую семью. Но — пока семья деградировала в России до повального алкоголизма

и наркомании, государство за 100 лет деградировало до тоталитаризма (точнее даже — до рецидива тоталитаризма). В итоге — сегодня отобрание детей «органами опеки» вместе с ментами стало просто-напросто еще одним способом наказания людей (родителей) за любую нелояльность, наряду с тюрьмой за убеждения по 280-282-280.1-205.2 и пр., подбросом наркотиков/оружия и другими здешними способами наказаний. А условия в детских домах этой страны известны еще с советских времен — и они чудовищны! Отбирая ребенка у пусть самой плохой, пьющей, не заботящейся о нем, но все-таки родной семьи и отдавая в этот казенный детский концлагерь — государственный детский дом, — государство обрекает его на мучения и смерть в гораздо большей степени, чем самые нерадивые родители. Так зримо и четко обрачивается кошмарным злом благая, казалось бы, идея общественного спасения, призрения и воспитания детей-сирот, — известная левая «гуманистическая» идея еще 100-летней давности. Главное — выстроить систему казённого «гуманного» призрения за государственный счёт; а уж сделать детей и при живых родителях сиротами (изуверская идея «лишения родительских прав»), дабы загонять их в эту систему, просто грубой физической силой отбирая у родителей, — это дело убогой тоталитарно-полицейской фантазии и всё более совершенствующейся полицейской техники.

Наглые попытки вооруженного охранника лезть не в свое дело, указывать, регулировать и контролировать чужую семейную жизнь — должны быть безжалостно пресечены навсегда. «Органы опеки», вместе с самим понятием этой государственной «опеки» над детьми, тотальной, принудительной, насильственной, концлагерной, — должны быть уничтожены. Призрение и опека над сиротами могут остаться только делом частных лиц, частных/семейных детских домов, и т.д.

* * *

Разумеется, о других, еще более вопиющих чисто левых придумках, ныне введенных в повсеместный обиход и считающихся чем-то само собой разумеющимся, нечего и говорить. Надо просто напомнить, что кроме «прав трудящихся», за которые они борются посредством профсоюзов и левых партий, есть еще и права работодателей, хозяев и акционеров «заводов, газет, пароходов», и об этих правах тоже не надо забывать, — напротив, их надо всячески защищать от нынешнего

уравнительно-распределительно-тоталитарного засилья. Поэтому — зарплата рабочего должна определяться нанимателем и рыночной конкуренцией, конъюнктурой на рынке труда, а не бюрократическим государством и его законами. Значит, понятие «минимальной оплаты труда» (т.е. не меньше определенной суммы), а вместе с ним и понятие «минимальной потребительской корзины», ущемляющие права собственника предприятия распоряжаться своей собственностью, летят в мусорную корзину: как потопаешь, так и полопаешь!.. Естественно, не может быть и речи о государственных законах, запрещающих, например, локаут, — соггу, это законное право хозяина/хозяев (акционеров) уволить со своего предприятия хоть всех работников сразу; и вовсе не из того, что же эти работники будут завтра кушать, а только лишь из интересов своего бизнеса и повышения прибыли имеет ПОЛНОЕ законное право при этом исходить любой собственник, бизнесмен, работодатель, хозяин любого предприятия...

А с неразрешимой, жуткой, вечной для современной России, да и других стран, проблемой «коррупции» покончить оказывается и вовсе легко: чиновники, берущие взятки, просто увольняются без выходного пособия, а их должности ликвидируются! Не нужны ни гражданам, ни бизнесу 99% бюрократического госаппарата просто ликвидируется, упраздняется, — вместе с его функциями, и всё! Не нужно больше брать у чиновников никаких разрешений на ведение бизнеса, торговлю, строительство, проживание в том или ином месте, передвижение и т.д. — да вообще ни на что! То, что раньше требовалось у государства лицензировать, регистрировать, получать разрешения, а то и покупать их, — отныне можно делать просто так, без их лицензий, разрешений, регистраций, без всякого вообще государственного контроля! Единственный контролер и регулятор всех вопросов — не чиновник, а рынок, баланс спроса и предложения. Чиновники полностью лишаются возможностей для любой коррупции, т.к. их разрешительно-запретительные функции просто упраздняются — вместе с их должностями и целыми министерствами! А никаким другим, тем более полицейско-репрессивным путем коррупцию победить невозможно, и даже в Китае с его постоянными расстрелами это до сих пор не удалось...

5 Собственно, в России, наследующей у СССР подпись под всеми основными международными документами о правах человека, права человека ликвидированы полностью и окончательно. Свобода

слова объявлена «экстремизмом», «разжиганием розни», «публичными призывами» к экстремизму, терроризму, сепаратизму и т.д. и т.п. — там уже целый букет статей против самой элементарной свободы слова. На свежевведенную статью 280.1 — «призывы к сепаратизму», т.е. любое упоминание, что колониальная лоскутная империя РФ рано или поздно должна распасться и что ее народы и регионы имеют законное право на независимость, — один из блогеров в ЖЖ отозвался риторическим вопросом: «Почему в других странах проходят референдумы о судьбе тех или иных регионов, а у нас только добавляются новые статьи в УК?»...

Россия болеет некоторыми из тех же болезней, что и весь мир, но при неизменно более высокой температуре. Но все же большинство ее болезней уникально. И главная, основополагающая русская проблема, если ее выразить одним словом, называется так: БЫДЛО.

*«Страницы книг ластая
И слушая эфир,
Мы чуем запах стаи,
Заполонившей мир», —*

пишет поэт Юрий Нестеренко. Он говорит о мире, но главным образом имеется в виду, конечно же, Россия. Страна, уникально и по-своему перевернувшая европейскую проблему массовой миграции: только здесь коренное население хуже, опаснее и реакционнее, чем мигранты!..

Проблема засилья чужаков-мигрантов, принадлежащих к иной расе, нежели коренное население, кажется общей для России и Европы. Но это только на первый взгляд.

В Европе символом борьбы с негритянско-арабским засильем может считаться Брейвик, отбывающий сейчас свой 21-летний срок в Норвегии. Засилье там — не только в Норвегии — действительно впечатляет: достаточно вспомнить тотальные погромы, грабежи магазинов и поджоги автомобилей мигрантами во Франции и Англии, начиная с парижских погромов осени 2005 года. В столице Норвегии Осло — как говорил в своей речи на суде Брейвик — количество инорасовых мигрантов сравнялось уже с количеством коренных норвежцев.

Таджики и узбеки (самые массовые мигранты) едут в Россию не громить магазины и не жечь автомобили, а работать за гроши на тяжелых физических работах — стройках, уборке дворов и т.п. (В Европе

они обычно не работают — на жизнь им хватает пособий от сердобольных европейцев на их многочисленных детишек). Ментально узбеки и таджики, конечно, тоже ближе к русским, чем арабы и негры — к французам, а индусы и пакистанцы — к англичанам.

Так что, как бы кто ни пытался уравнивать проблемы миграции в Европе и России, — это разные материи. Брейвик, создавая некую организацию «белых политзаключенных и военнопленных», тоже не против был принять в нее коллективным членом организацию (если это не миф, конечно) русских нацистов-политзаключенных, сидящих за убийства таджиков, возглавляемую Nikolay Королевым — осужденным на п/ж организатором взрыва Черкизовского рынка в 2009 году в Москве. Можно только посочувствовать европейским правым политзэкам, если у них и впрямь появятся такие «коллеги» в России.

Европу, конечно же, надо спасать от засилья арабов и негров, — ибо там действительно есть что спасать и Европе действительно угрожает опасность. Наследница великой Римской империи, родина свободы, отчизна многих великих революций, где королей казнили еще в 1649-м и 1793-м, где впервые возникли идеи прав человека, равноправия, либерализма, либертарианства, просвещения, отчизна Вольтера, Руссо, Дидро... — сегодня находится под гнетом новых варваров, нашествие которых уже обернулось попытками устанавливать целые «исламские районы» в Лондоне и диктовать жителям Парижа, в чём им можно и в чём нельзя ходить (ответом на что и стали такие антилиберальные меры, как запрет хиджабов и никабов)...

Никакого ислама, в то же время, не устанавливают в России приезжающие сюда узбекские, таджикские и киргизские гастарбайтеры, — в основном потому, что после 70 лет советской власти, официально преподававшей в школе, что бога нет, ислам по-настоящему не органичен, не естественен, а, наоборот, явно искусственен даже у тех гастарбайтеров, кто родился уже после 1991 г. и даже читает намаз 5 раз в день. Этому они больше учились сами, по книжкам, чем с детства у дедушек-бабушек и тем паче — родителей, вполне советских людей...

К тому же, десятилетия проживания в одном интернациональном тоталитарном лагерном бараке с русскими очень сказываются, — даже молодые, даже совсем неграмотные таджики/узбеки/киргизы ментально куда ближе к русским, чем арабы и негры — к французам, а индусы и пакистанцы — к англичанам (да, наверное, и чем турки к немцам тоже).

Самое же главное — что Россию, в отличие от Европы, абсолютно не жалко. Это вековая страна рабов, дикарей и варваров, вечная угроза цивилизованному миру — Западу, от Новгородской республики до США — так что жалеть тут попросту некого. Пусть в московском Кремле среднеазиаты разместят отары своих овец (хотя, конечно, где тут пасти овец, — не на асфальте же! 😊), сожгут все древние монастыри, как их сожгли в Косово, а древнюю церковь Покрова на Нерли превратят в мечеть, — ну вот ни капельки не жалко, и всё тут! Хотя, конечно, ничего подобного робкие, спокойные таджики с узбеками и киргизами никогда не сделают, несмотря на знаменитые воинственные эскапады писателя Эдуарда Багирова от их имени в адрес русских...

Так что пусть в Европе живут европейцы, голубоглазые и светловолосые потомки викингов и крестоносцев, а азиаты (и африканцы тоже) пусть живут в нашей родимой Азии! 😊 Идеально было бы выселить их из Европы — в Россию! (Хотя это и нереально, конечно, — как нереально, увы, и просто выселить их из Европы обратно в Африку). Тем не менее, коренным европейцам стоит теперь голосовать только за антимигрантские правые партии, переживающие в последнее десятилетие заметный подъём, — это дает шанс не только на изменение миграционной политики этих стран (ужесточение правил въезда, как это уже было сделано в Дании), но и на отмену халявной кормежки — всевозможных пособий на детей и т.п. «социалки», после чего европейские страны попросту перестанут быть привлекательными для новых орд африканцев и азиатов, едущих туда каждый день.

А вот в России таджикам, узбекам, киргизам, а уж тем паче кавказцам следовало бы всячески помогать в организации боевых дружин самообороны и вооружении их автоматическим и пр. огнестрельным оружием для защиты от погромов типа бирюлевского (Москва, октябрь 2013 г.), от нападений нацистов, «футбольных фанатов» и пр. Это, во-первых, было бы просто справедливо; во-вторых — помогло бы перевести ситуацию из нарастающей волны погромов беззащитных мигрантов в ВОЙНУ; в-третьих — эта война, несомненно, заметно помогла бы наконец расшатать и обрушить преступное российское государство, не имеющее вообще права на существование и равно враждебное как мигрантам-гастарбайтерам, так и небольшой еще остающейся здесь горсточке нормальных, приличных, цивилизованных русских...

То бишь — две абсолютно разные и противоположные стратегии в Европе и России по, казалось бы, одному и тому же вопросу — дикту-

ются прежде всего абсолютно разным качеством исходного материала. Европа — родина свободы и просвещения, там есть что спасать. Россия — страна рабов и родина всяческого мракобесия, спасать и жалеть тут абсолютно нечего. Наоборот — спасать уже давно надо не Россию, а ОТ России...

Фундаменталисты исламские (из приезжих мигрантов) смыкаются с фундаменталистами христианскими (из местных — будь то в Европе или России) в одном: в тотальной отрицании прав меньшинств. Исламисты проводят это более грубо на практике, а христианские фанатики подробнее и, так сказать, тоньше объясняют теоретические основы своей нетерпимости. Главной причиной они выдвигают... демографию. Мол, разрешение однополых браков уменьшает рождаемость, и потому-то, мол, вымирают европейские народы, уступая свою территорию азиатам. (Исламисты, понятно, проблем с демографией своих народов не испытывают и ссылаются просто на запреты от Аллаха и пророка Мухаммеда). Вроде, на первый взгляд это кажется убедительным, если бы... Если бы не трогательная в своем идиотизме уверенность этих гомофобских проповедников в том, что, например, гомосексуалистом человек (особенно ребенок) может стать, просто пообщавшись с геями, послушав их «пропаганду», в крайнем случае — попробовав однополый секс (наиболее уместенно убогие говорят даже, что и испытав его против воли, то бишь подвергшись изнасилованию...).

Именно на этом феномене непроходимого идиотизма построен нашумевший в мире гомофобский закон «о запрете пропаганды гомосексуализма», принятый в России в 2013 г. По сути, этот закон — лишь жалкий фиговый листок, маскирующий бешеное желание русских — и отсюда столь же бешеное желание их чекистской властной элиты — вернуть уголовное наказание собственно за сами гомосексуальные отношения. Свое личико — точнее, лютый гомофобский оскал — русские уже показали вовсю, разгоняя толпами фашистов любые робкие попытки провести где-либо в РФ гей-парад, а также — еще в 2012 г. — массово, больше 60%, ответив на соцопрос, что, мол, да, геем можно стать в результате «пропаганды» и общения с другими геями, — и потому, мол, с «гомопропагандой» надо бороться такими вот позорными законами...

На Западе тоже не отстают, — целую книгу написал еще в середине 2000-х о вреде свободы нравов и опасности гомосексуализма для де-

мографии Бьюкенен, один из бывших кандидатов в президенты США. Но — увы и ах для фундаменталистов! — человек живет не только для размножения, и этим именно отличается от животных.

Смерть все равно неизбежна, — для человека, для его потомков, для его рода, народа, страны, человечества, Земли и всей вселенной. Смерть неизбежна, жизнь коротка, брэнна и ничтожна, и еще больше ухудшать её качество этими (само)ограничениями и запретами ради (искусственного) продления жизни рода или народа, — глупо по отношению к себе, абсолютно преступно по отношению к другим! Перед смертью не надышишься, как говорится. Во-первых, геями не становятся от «пропаганды», а рождаются, и всегда, во все времена и во всех странах стабильное их количество — 3–5 процентов — ровно никак не влияет на увеличение или уменьшение рождаемости. Ну, а во-вторых, если бы даже и влияло — люди не животные, нация — не стадо коров, чтобы жить чисто биологической жизнью — есть, спать и размножаться — ради непрерывного увеличения поголовья. Жизнь человека может быть куда разнообразнее и насыщеннее, если не ставить себе демографических целей, а жить чисто для себя. Длительность ее за счет качества явно не стоит. Так что — заботники о росте популяции путем запрета однополых браков и всякого другого ущемления прав меньшинств идут лесом!.. ☺

6 Таким образом, как мы выяснили, свобода — это не «всем сестрам по серьгам», не уравнильное распределение материальных благ так, чтобы у всех было поровну, а скорее как раз борьба с таким уравнильным распределением. Свобода — это «как потопашь, так и полопашь»; это ребенок, брошенный с лодки прямо в воду для обучения плаванию: выплывет — значит выплывет, потонет — значит потонет. Материально помогать одним, как и давать духовные привилегии, можно только за счет других, что грубо нарушает права этих других, уничтожает свободу и открывает путь к тоталитаризму.

О материальном распределении как основе тоталитаризма мы уже говорили и поговорим еще, — тем паче, что в России сейчас государство с каждым днем все активнее вмешивается в экономику; обнаглевший охранник все больше и больше навязывает покупателям и продавцам на рынке свои правила и ограничения. Но и в духовной сфере этой безумной страны происходит то же самое, только куда более быстрыми темпами. Мизулины, энтео, кириллы фроловы, «тесаки»,

ройзманы, милоновы, охлобыстины, яровые, — вот тот сброд, который определяет духовный строй нынешней России, а именно — сползание в православную религиозную архаику, в дикость, в мракобесие, в средневековье, — но, увы, средневековье, основанное на новейшей электронике XXI века, когда огромные списки всяческих запрещенных этой новой инквизицией материалов и книг публикуются в интернете, а в тюрьмах каждый шаг упеченных туда за «богохульство», «оскорбление чувств верующих» или «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений» круглосуточно фиксируют видеокамеры...

Мракобесие, мракобесие, мракобесие, тотальное и воинствующее, нагнетающее с каждым днем всё больше, — вот то чудовище, которое уже породил сон разума 140 миллионов спившегося русского быдла. Если, конечно, допустить, что у этого быдла вообще был когда-либо разум...

Особенно грустна и мрачна судьба горсточки интеллигенции в этой гиблой, пропащей, окончательно потерянной для мира стране, — интеллигенции, которая исторически тут никак не может определиться для самой себя, чего же всё-таки она хочет — конституции или севрюжины с хреном — и всё пытающейся усидеть на двух стульях, вопреки очевидности, — как-то примирить в своей голове непримиримые противоречия, вроде того, что власть, мол, плохая, а вот «народ», по заказу которого власть и творит все свои преступления, чьим вкусам она и старается потрафить, — «народ», мол, хороший, ни в чем не виноват, его просто надо просвещать, объяснять ему, что хорошо и что плохо, — и это в то время, когда интернет широко доступен, и даже блокировку разных «экстремистских» сайтов обойти существует множество способов. Было бы желание знать правду!.. — но вот желания-то как раз у спившегося «православного народа-рогоносца» и нет, в этом-то главная проблема России. Меньшая часть быдла в России поддерживает зло, мракобесие и тиранию сознательно, будучи им привержено; бо́льшая часть — просто по своему тупому безразличию и вечному пьянству (широко распространенное голосование за Жирика «по приколу» — яркий тому пример). Как стрелка компаса, будучи отпущенной в свободное плавание, всегда разворачивается на север, — так же точно и русское быдло, неважно, пьяное или трезвое, с высшим образованием или вообще без образования (даже школьного), будучи отпущено в вольное плавание, на свободу, имея возможность свободно реализовывать все свои предпочтения и вкусы, — всегда делает выбор в пользу диктатуры, тирании, мракобесия, диких

средневековых предрассудков, иерархии, гомофобии, антисемитизма и т. д. и т. п. Из свободы, когда она на короткие мгновения появляется в России (8 месяцев в 1917-м и 3 года в начале 90-х, если не считать короткого периода правления Лжедмитрия I в XVII веке), это быдло всегда тотчас создает себе новую диктатуру, еще более свирепую, чем прежние, — правда, в 90-е переходный период, период качания и перетягивания каната между добром и злом длился в России еще целых 5 лет — от начала первой агрессии против ЧРИ в декабре 1994 до начала второй в сентябре 1999 г. Таким образом, можно считать окончательно установленным, что так называемый «народ» (быдло и пьяный сброд) в России гораздо хуже, мракобеснее и реакционнее власти. Конечно, теория о «правительстве — единственном европейце» уже давно не работает, но народ, немалая часть которого — ээки в лагерях — настолько адаптировали навязанную им «мусорами» кастовую систему, что поднимали не раз бунты в ответ на попытки администрации лагерей уравнивать «обиженных» в правах с остальными ээками, посадить за один стол, вообще — не соблюдать эту гнусную сегрегацию, — такой народ вообще не имеет права на существование!..

Нормальному народу, наверное, хватило бы обычного просвещения, обучения, привития интеллигенцией нормальных ценностей, тяги к свободе и справедливости. Но в России это абсолютно не помогает, — любые идеи о свободе, о разрушении родных мифов, стереотипов и кастовости решительно отторгаются быдлом; более того — сегодня идеалистов-народников, желающих просвещать и «сеять разумное, доброе, вечное», еще не так уж мало, но — сами они мутируют в ходе своих проповедей, съезжают на уровень того быдла, которому проповедуют свободу; их засасывает то же вековечное болото...

Принципы свободы просты, логичны и универсальны для всего мира. Если экономика усложняется благодаря научному прогрессу, то «духовная» и вообще межчеловеческая сфера остаются неизменными. Скажем, геем не становятся от общения с геями, от просмотра гей-порно или от случайно услышанного обсуждения проблем гей-сообщества, — геем надо родиться. Сексуальная ориентация ни в коем случае не может служить основанием для выделения всех, у кого она «неправильная» (по мнению носителей другой ориентации, составляющих в данный момент в данном месте большинство), в отдельную касту, лишённую прав и человеческого достоинства, де-факто используемую как рабы, для всех тяжелых и грязных работ (как это многие десятилетия постоянно

происходит во ВСЕХ бесчисленных лагерях России и всех ее бывших колоний, которым русские сумели навязать это гнусное наследие своего колониализма). Тот, кто сидит за одним столом или пьет из одной кружки с геем (а тем паче — с тем, кого ОБЪЯВИЛИ «геем» только за то, что он взял сигарету или кусок хлеба из рук таких же мнимых «геев», объявленных таковыми раньше него), — не «зашкваривается», не «законтачивается» и т.д., с ним не происходит ровно ничего плохого, потому что пить из одной кружки с реальным геем, а тем паче с мнимым, — это абсолютно нормально, в этом нет ровно ничего плохого; как и в том, чтобы сидеть за одним столом и пить из одной кружки с тем, кто практиковал оральный секс со своей партнершей, тоже нет ровно ничего плохого, и в таком оральном или гей-сексе самом по себе — тоже нет абсолютно ничего плохого, и никакому ущемлению их прав по такого рода причинам эти люди не подлежат.

Или, например: никто не обязан уважать чьи-либо «чувства верующих» и любые другие религиозные заморочки в ущерб своим чувствам, своим правам и своей свободе слова. Что для одних «свято», для других вполне может быть презренно, враждебно или просто безразлично — и это абсолютно нормально, никакого «разжигания» в этом нет, каждый имеет право свободно выражать отношение к любым божествам и их культам, — на то и существуют свобода слова, свобода совести, равенство граждан перед законом. Но — в России и они НЕ существуют, в том-то все и дело, как, кстати, и конституционные принципы отделения церкви от государства и равенства всех конфессий. Чекистская РПЦ могла бы еще хоть как-то сохранить лицо, если бы в ответ на попытки государства сделать из нее новый идеологический отдел ЦК КПСС, на попытки навязать государственным рабам это фальшивое казенное «православие» для удобства управления рабами, — отвечала бы: нет уж, соблюдайте собственную конституцию: или уж оба рождества — католическое и православное — государственные выходные, или ни одно; или все конфессии (хотя бы только зарегистрированные «традиционные» — хотя и эта сегрегация тоже возмутительна!) внедряются в школу, армию, тюрьмы и пр. (хотя это тоже незаконно само по себе!) — или уж ни одна, чтобы не создавать «православию» столь явных и грубых привилегий. Но о такой совестливости среди старых агентов КГБ в рясах, понятно, нет и речи. Они радостно приветствовали «закон» 2013 года о «защите чувств верующих», карающий в (пока еще, формально) светском государстве тюрьмой за «богохульство», —

не говоря уже об их полной поддержке судилища 2012 г. над «Pussy Riot» за «богохульство» и ссылок уголовного обвинения в светском государстве на решения древних церковных соборов!.. Понятно, что это не просто не свобода — это уже откровенное средневековое мракобесие на новейшей компьютерно-технической базе. Понятно, что в ответ атеисты имеют полное право заявить, что их чувства оскорбляет вид роскошных и помпезных культовых зданий в честь несуществующего «бога» и мифических «святых», все «чудеса» которых — грубый вымысел и подделка, и потребовать сноса всех церквей (а из них в России 99,999% принадлежат РПЦ, а если формально и не принадлежат, как ХХС в Москве, то все равно в них проводит службы именно РПЦ). Однако в общем и целом нам ясно: болезнь зашла так далеко, что давно уже стала совершенно неоперабельной. «Доктор сказал: «В морг!» — значит, в морг!» — вот единственно правильный и самый революционный лозунг для нынешней России. Всё безнадежно, никакие слова и уговоры, никакое просветительство уже не помогут, — этот смердящий, вовсю разлагающийся труп нельзя уже никак гальванизировать, его надо скорее закопать, чтобы он не заражал остальное человечество. Реформировать Россию в нормальное, европейское, демократическое государство невозможно; ее надо уничтожить, это единственное решение проблемы; и уничтожить её можно только силой, точнее — полным напряжением всех имеющихся сил...

Нет никакой надежды и никакого смысла верить, что из тысячелетних, генетических, потомственных рабов, жалких холопов тоталитарного государства когда-либо, ценой каких угодно усилий, путём самого самоотверженного просветительства получатся свободные, самостоятельные граждане, понимающие собственное человеческое достоинство, не согласные терпеть тиранию, способные ниспровергнуть её — и создать (нанять) себе государство в его настоящем виде — охранника жизни и собственности граждан, максимум — их наемного менеджера по распоряжению активами. Такого в России не произойдет никогда, — тем паче, что попыток уже делалось множество, и ни одна не увенчалась успехом. «Катакомбный историк» Новодворская когда-то насчитала их целых 18 — начиная с Избранной Рады, которую собрал вокруг себя в начале своего царствования «молодой реформатор» Иван IV. Чем кончилось царствование — известно, как известна восторженная кличка, данная подданными этому царю за то, как много и как исступленно он их убивал... А самая грандиозная

попытка такого рода — с конца 80-х по начало 2000-х — провалилась только что на наших глазах.

Таким образом, признав абсолютную бесплодность всех прежних и тотальную бесперспективность всех будущих попыток такого рода, — эпоху реформаторства, просветительства и народничества в России можно считать окончательно завершенной.

Естественные человеческие права существуют так же, как электричество, — его нельзя увидеть, но оно есть; как силовые линии магнита, — их тоже не видно, пока не поднесешь лист с железными опилками. Никто никому ничего не должен, — несмотря на все «священные долги», втащенные тоталитарно-имперским коллективным подсознанием миллионов быдла даже в ельцинскую конституцию, писавшуюся в 1992–93-м, на максимальном пике русской свободы. Излишне говорить, что основная глава этой Конституции — «Права и свободы», издевательски объявленная Путиным неприкосновенной, уже 14 лет как полностью растоптана, профанирована и проституирована; в этой главе не осталось буквально ни одной статьи, которая в повседневной российской жизни не нарушалась бы самым наглым и открытым образом. (Только что описанные выше привилегии РПЦ — лучший тому пример.) Формально — действуют на этой территории не только конституция, но — выше её, как в ней же прописано — международные договоры и пакты о правах человека, подписанные еще СССР, но никогда им не соблюдавшиеся. Первая фраза преамбулы Всеобщей декларации прав человека 1948 г. — «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах», — казалось бы, просто формализует де-факто наличествующую реальность. Однако же — в России, стране — постоянном члене СБ ООН — а Декларация 1948 г. как раз ООН и была принята — во всех уголовных лагерях существует грубая, отвратительная кастово-иерархическая система, в которой тысячи и тысячи членов самой низшей касты — «обиженные», или, в грубом просторечии остальных, «пидорасы» — лишены полностью всякого достоинства, всяких прав и вполне официально не считаются за людей, причем подобную ситуацию в 99,999% случаев поддерживает и государство в лице администрации лагерей...

7 Рабы и мазохисты, мазохисты и рабы... История полного закрытия в 2009 г. в России всех казино и тотального запрещения игорного бизнеса (кроме четырех мифических игорных зон, в том числе на Дальнем Востоке...) особенно ярко раскрывает суть самой

этой страны и её населения. Государство в лице Думы, не имея на то абсолютно никакого права, предприняло акт наглого и грубейшего вмешательства и в частный бизнес, и в личную жизнь граждан: запретило законом все казино, игровые автоматы и пр. Владельцы казино понесли огромные убытки — фактически просто потеряли свой бизнес. «Простым» жителям, играющим не в казино, а у игровых автоматов в ближайшем продмаге, это было официально, внаглую запрещено, — фактически государство лишило их любимого развлечения и сказала: хотите играть? — езжайте на Кубань или Дальний Восток, а ближе — хрен вам, а не игровые автоматы!..

И что же? Тишина... Бизнес не восстал против государства, не потребовал убрать эту грабительскую власть и вернуть ему потерянное, да еще с упущенными доходами от закрытых казино, в полном объёме. А «народ» (сиволапое пьяное быдло), — о, тот был вообще счастлив!! Конечно, и при приёме самого закона думцы и СМИ рьяно ссылались как раз на «требования народа», — типа, бабульки-пенсионерки проигрывают в аппараты всю свою пенсию, поэтому, мол, надо закрыть вообще весь игорный бизнес, включая казино «Кристалл», крупнейшее в Европе. И вот — сбылась мечта идиотов..

Если просто поговорить с ними, с «пролами», на эту тему — они счастливы от запрета ИМ ЖЕ любых легальных азартных игр и полностью этот запрет поддерживают. Почему? — Ну как же, теперь простые люди, всякие пенсионеры, алкаши, молодежь и пр. не проигрывают в автоматы все деньги, как раньше, когда у них у всех была зависимость, игромания, и они не могли остановиться. Т.е. — вопрос о том, чтобы они сами себя контролировали и сами за свои действия (проигрыши, в частности) отвечали, не стоит вообще. Они и не пытаются сами жить правильно, бороться со своими комплексами, проблемами, маниями и пр., об этом и речи нет. Они зато рады, что им играть и проигрывать наконец-то запретило государство. Им же запретило — и они же рады этому. Т. е. — мазохизм налицо. Напоминает женщину, которая втайне хочет, чтобы ее изнасиловали, правда? И если начинаешь им говорить, мол, не играй ты, и всё, а всем остальным из-за твоих проблем нефиг запрещать, — они обычно отвечают в духе: ну как же, я вот не могу сам остановиться, и всё; или — ну а что же мне еще делать, если пойти в районе больше абсолютно некуда, кроме как в игровые автоматы?.. Понимается, что государство обязано решать их проблемы за них — и при этом за счет других людей: как владельцев игрового бизнеса,

так и нормальных игроков, которые не страдают зависимостью, не проигрывают всю зарплату до копейки в день ее получения — и не склонны по этой причине требовать тотального закрытия всех казино и автоматов (вместо того, чтобы попытаться переделать себя и избавиться от игромании). Совершенно извращенный подход, вывернутая наизнанку психология: вместо самодостаточного, ответственного, разумного и сильного индивидуума, достающего из чехла ружье в ответ на попытки государства ему что-то запретить, — жалкие, бессмысленные, безвольные, насквозь пропитые и проколотые наркотой создания (излишне говорить, что, разумеется, так же точно поддерживающие и запрет наркоты), донельзя счастливые, что государство наконец-то решило (варварским способом!!) их проблему за них, растоптав при этом права и материальные интересы еще множества людей.

Рабы и мазохисты, — как и было сказано...

8 Монархический по орнаменту и декоруму, советский по внутренней сути, — так, наверное, можно было бы определить стиль государственности путинской Русни. Таковым он был уже и 10 лет назад, по итогам прошедшего первого путинского срока. Ибо сутью, прежде всего заимствуемой путинской Русней у сталинско-брежневского совка, является, конечно, тоталитаризм. А тоталитаризм — явление чисто советское, этакое ленинско-сталинское ноу-хау, — при царях его не было. Власть тогда тоже была изуверски жестока со всеми, кто попадался ей под руку и не хотел жить по установленным ею драконовским правилам. Но все же тогда власть еще попросту не была способна дотянуться до КАЖДОГО нелояльного, — и только в этом смысле не была еще тоталитарной. Какие-нибудь баптисты, штундисты или духоборы могли где-то в глуши прятаться от нее — и жить, и молиться по-своему, допустим, несмотря на формальный государственный статус православия. Не было еще ни вертолетов, ни спецназа, чтобы буквально прочесывать тайгу в поисках «ослушников», — и это подтверждает теорию о том, что тоталитаризм устанавливается и нарастает с развитием технического прогресса, что бесспорный прогресс в мире один только и есть — технический, и что в изначально диких, варварских, предрасположенных ко злу странах (ярчайшие примеры — Россия и Китай; говорить тут можно не только о странах, но и о цивилизациях) технический прогресс лишь усиливает общественно-государственный регресс, озверение, одичание и стремительный рост

тоталитарных тенденций государства, направленных против любого инакомыслия в обществе. Разыскивают «ослушников государевых» теперь с помощью повсеместных (тотальных, то бишь, и тотально контролирующих пространство городов) видеокамер, обнаруживают с помощью компьютерных баз данных, доступных в любой мусорской дежурке, и с помощью логов сотовых компаний, отслеживающих перемещение его телефона, а под домашний арест сажают с помощью новейших неснимаемых электронных браслетов. Прогресс!..

Естественно, привыкнув тотально контролировать в советское время свое население, не оставлять ему ни одной щели в пространстве для неподконтрольности государству и ни одной «крамольной» мысли в голове каждого жителя империи, — государство не собирается и сегодня отказываться от этой мании контроля, ставшей самой сутью советского — а вслед за ним и любого, но возник-то он в СССР — тоталитаризма. Пусть с контролем за передвижением (видеокамеры, сотовые сети и пр.) дело идет лучше, чем с контролем за мыслями (тут в основном принимаются глупейшие запретительные законы, типа запрета гомо-пропаганды, и делаются неуклюжие смешные попытки цензуры интернета и блокировки сайтов), — эта чисто тоталитарная, то бишь вполне себе советская, суть государства торжествует в России и сейчас, спустя 23 года после формального краха СССР. И никакие двуглавые орлы и царские флаги, никакое помпезное празднование юбилеев династии Романовых, никакая эта монархическая мишура по ТВ и на улицах — не убедит вдумчивого наблюдателя в том, что путинщина якобы всерьез решила вернуться от СССР к царской России — к той России, где еще не было ТОТАЛЬНОГО контроля за гражданами и их мыслями, где за листовки против власти полагалась не каторга (ставшая позже в СССР называться «лагерем»), а всего лишь ссылка, и т. д. и т. п. Химера монархии не сможет нас обмануть: монархические символы и вся прочая мишура попросту навешиваются на железобетонное здание советского тоталитаризма, целехонькое до сих пор; смысл монархических символов тотальная путинская пропаганда легко заменяет другим, подгоняя его под изменившуюся реальность и под текущие нужды власти. К тому же — от советских символов тоже никто не собирается здесь отказываться. Достаточно вспомнить, что мавзолей с Лениным в нем, как и всё кладбище большевистских «героев» и вождей, продолжают оставаться на Красной площади, осеняемые светом красных звезд на кремлевских башнях. Не говоря уже о том, что с каждым годом всё более и более за-

метно: главной, по сути, ЕДИНСТВЕННОЙ идеологической подпоркой всего государственного здания РФ остаётся один лишь миф о «великой победе над фашизмом» 1945 г. — идеологема чисто и стопроцентно советская. Идеологическая молотилка Администрации президента легко и непринуждённо сочетает эту «победную» советскую лабуду с двуглавыми орлами, свечками и молитвами «за родину», с диким мифом о Сталине, приказавшем якобы облететь фронт самолету с иконой на борту, и т.д.; на советских Поклонной горе и Мамаевом кургане строятся елейно-«православные» церкви-новоделы, и т.д. — в то время, как с точки зрения настоящей романовской монархии Сталин, все его политбюро, все генералы и пр., «выигравшие» эту войну, были всего лишь абсолютно незаконно захватившей в 1917 г. власть бандой узурпаторов, убийц и цареубийц, а никакими не «героями», не «победителями фашизма» и не «маршалами победы»...

Т.е., легче старым символам придать новый смысл (хоть и абсолютно нелепый для посвященных), чем на самом деле вернуться к старой сути этих символов, выпустив из рук приобретенные после их крушения новые традиции и рычаги управления. Как бы ни менялись гербы, флаги, гимны, — от ВЧК-НКВД-КГБ к пыточному приказу и тайной канцелярии никакого возврата быть не может, и в этом самая суть внешних метаморфоз русской государственности.

Собственно, нынешнее приспособление царской мишуры к советской диктатуре — не первое в истории этой страны. Зрелый сталинизм, созрев где-то в середине 30-х, именно этим и занимался. Поле было непаханое, работы — непочатый край, так что вернуть тогда успели далеко не всё. Чины и ордена в армии, погоны, казачество и казачью форму, раздельное обучение школьников и т.п. — в то время, как общество старых политкаторжан было закрыто, а сами они — старые революционеры, в том числе и составлявшие первое — ленинское — политбюро, хоть и успели превратиться к тому времени из революционеров в бандитов и международных гангстеров — были практически все расстреляны. Сейчас точно так же не осталось во власти никого, кто ассоциировался бы с перестройкой и первыми ельцинскими годами, а все бюрократы, с самого верху и донизу, — оголтелые сторонники теории «в СССР было не только плохое, оттуда можно многое взять». То бишь, сквозная преемственность налицо. Путинская Рашка наследует совку, который во многом наследовал царской России, — хотя расширил и обогатил ее опыт всяческих преследований и травли,

введя в обиход новое фундаментальное понятие — тоталитаризм. Эта преемственность в русской государственности неизменна. Попытки же РФ якобы напрямую наследовать России царской — есть лишь мишура и бутафория, элегические вздохи и ностальгия, не более того. Орлы-то могут быть и царскими — методы управления, контроля, промывки мозгов все равно были и останутся советскими, гораздо более жесткими...

Собственно, это не что иное, как знаменитая гегелевская триада — тезис, антитезис, синтез — в приложении к истории. Россия царская; потом советская, возникшая сперва как отрицание царской, но быстро начавшая съезжать назад, в то же болото; и, наконец, нынешняя, соединившая в себе все самые гнусные черты той и другой. Химически чистый образчик зла, так сказать, — страна, освобожденная от принудиловки как церковной, так и советской, отпущенная в вольное плавание — и вот приплывшая, нашедшая-таки свой путь — возведенный даже не в квадрат, а в n-ную степень синтез принудиловки той и другой. Отпущенная на волю, стрелка русского компаса естественным и непринужденным образом развернулась ко Злу. Квадрат путинской гипотенузы оказался воистину равен сумме квадратов катетов — царского и советского, а может быть, даже и превзошел их...

9 Облучение изначально рабской почвы жалкой и убогой Расеи, об убожестве которой писал еще Чаадаев, новейшей большевистской тоталитарной радиацией, — что оно дало нам? Антиселекцию на протяжении 70+ лет — и мутацию на выходе. Результат этой мутации называется homo soveticus, и в годы перестройки, когда говорить можно было свободно, выражение это было очень популярно в СМИ. Когда все лучшие целенаправленно, год за годом, десятилетие за десятилетием, уничтожаются, а остаются и дают потомство лишь худшие — приспособленцы, активисты, вертухаи, стукачи и палачи, — то сегодня на выходе имеем то, что имеем... И — как бы ни была гнусна и царская Россия, но все же кое-что, потерянное с ней, нам уже не вернуть — и этого «кое-чего» сильно не хватает сегодня.

*“Твердили обыватели
Набор трескучих фраз,
И шли завоеватели
На Польшу и Кавказ”, —*

писал о царской России Юрий Нестеренко. С тех пор, увы, география завоевательно-карательных походов сильно расширилась. Но — как бы ни было в ней гнусно, тяжело и душно, хоть Герцен и называл жизнь нормального человека в России его времени «мучением с платком во рту», — но есть одно обстоятельство. Лет 200 — если считать с петровских реформ — развитие империи шло все-таки относительно стабильно, естественным — хотя и очень мрачным, конечно — путем. Преследовали штундистов, староверов, инакомыслящих разного рода, — но не было еще тоталитарной, до всех добирающейся сталинской метлы, не было таких безумных встрясок, как, допустим, чистки 20-х гг. XX века, когда из ВУЗов выгоняли всех студентов «непролетарского происхождения» — только за это самое происхождение.

Потому-то среди всего этого мракобесия, карательных походов и пр. — смогли все-таки вырасти и созреть Каракозов, Соловьев, Желябов, Михайлов, Перовская, Гриневицкий, Фигнер, Засулич... Им не сумели промыть мозги так, как промывали потом в пионерии и комсомоле, — мозгопромойка была еще не та, не той мощности... А потом, после мрачных 80-х, после казненного в 1887-м только за попытку повторить Первое марта Александра Ульянова, — оказался возможен всего через каких-то 15 лет уже эсеровский террор! Не получилось выкосить и выжечь так, напугать всех мыслящих настолько, как потом у Сталина, — чтобы, как писала Новодворская, в конце 80-х люди еще не оттаяли от этого страха, не набрались решимости создавать что-то антисоветское...

Герои погибали — но общество, студенчество, интеллигенция, сумевшие сформироваться даже под жандармским гнетом царизма, рождали новых героев! А все потому, что в той, царской России в головах интеллигенции была здоровая, нормальная атмосфера, не отравленная еще позднейшими тоталитарными ядами страха, предательства и всякого рода приспособленчества. Конформизм даже за мрачные 80-е не стал образом мысли и жизни просвещенного, здорового умственно и нравственно меньшинства, и за Желябовым, Гриневицким, Михайловым и Соловьевым были Савинков, Каляев, Сазонов, братья Гоц, Гершуни и Фанни Каплан! Выражали в социально-экономическом смысле эсеры, конечно, крестьянство — но формировались в основном из интеллигентской среды; и не их программа, конечно, но их методы («Я хочу работать в терроре» Савинкова) — это тот огонь, который только и можем мы взять из прошлого, ибо другого огня там просто нет...

Не то сегодня! Большевицкий тоталитаризм попросту выкосил старую, склонную к самопожертвованию интеллигенцию, — расстрелял или сгноил в лагерях. Взамен он обучал себе новую — а с 60-х гг. процесс этот принял уже массовый и стихийный характер — лже- или квазиинтеллигенцию, которую Солженицын исключительно точно назвал «образованщиной». Режиму нужны были, говоря его языком, инженерные кадры на производстве, — а этим инженерным кадрам, вышедшим на 95% из крестьян и закончившим какой-нибудь технический ВУЗ, нужна была высокая зарплата, премии, награды, квартира, дача, автомобиль... и ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не нужны были никакие неприятности с начальством, с государством, с КГБ, никакое самопожертвование за идеалы (которые у этих людей как раз и состояли в квартире, даче, машине и пр.), ни — 7 лет лагерей за антисоветчину, ни — тем паче уж! — смертная казнь, которой в свое время почему-то не побоялся совсем юный Александр Ульянов...

И если в годы первой революции, плюс-минус пара лет, преподаватели и студенты в ВУЗах открыто сочувствовали эсеровскому террору, причем до такой степени, что собирали на него деньги, то... Среди более-менее равнодушных к окружающим проблемам молодых образованцев, «интеллигентов» советской выучки, с родителями (ну дедами, в крайнем случае) в колхозе, — тех, на чьи курилки в НИИ ссылается Солженицын в начале «Жить не по лжи», в основном это были именно молодые научные сотрудники, — среди них распространилась в 60–70 гг. конформистская теория «ненасилия», лучше всего выражаемая лозунгом «Уважайте собственную Конституцию!», придуманным Есениным-Вольпиным. Зерно упало на подходящую почву. Ни по изначальным причинам (многовековая крестьянская их природа), ни по сиюминутным (родители пережили сталинский террор, и это тоже отложилось в генах потомства) — ни к какому риску, насилию, террору эти люди были абсолютно не склонны. Не участвовать лично во Зле, не голосовать на собраниях за откровенную ложь и репрессии — вот единственная программа-*minimum minimumum*, которую только и смог им предложить Солженицын: она вполне соответствовала духовному уровню этих людей, потомков вчерашних сталинских рабов. Ни на что большее они просто не были способны.

С тех пор так и пошло. Малюсенькая лучшая — наиболее совестливая и самоотверженная — часть интеллигенции проповедует ненасилие, выходит с плакатами о соблюдении законов на митинги — и

садится на 15 суток, совершенно не обращая внимания, соответствуют ли эти её лозунги радикальнейше изменившемуся с 60-х годов характеру законодательства (из демократического и прокламирующего множества прав оно стало откровенно репрессивным). Большинство же интеллигенции путинской России — вступает в «Единую Россию», а уж духовно — ударяется в самое темное мракобесие, всякого рода религиозный дурман, нелепые мистические учения и т.п. Прячется от действительности, короче. Деградирует откровенно и усиленными темпами. Массово поддерживали геноцид в Чечне, агрессию против Грузии в 2008 г., а теперь, разумеется, пребывают в полном и исступленном восторге от аннексии Крыма; поддерживают — если и не самого Путина, то имперскую эту державность (способную и без Путина обойтись, если что), — самые рьяные откликаются на безумный телепоток оголтелой шовинистической пропаганды готовностью лично пойти воевать «за Россиюшку» со злыми «америкосами», если — им покажется, что — есть такая необходимость...

А уж казённым, омерзительным, смрадным чекистским «православием» головы именно интеллигенции заморочены, а иконами именно её квартиры обвешаны до такой степени, — куда уж там простонародью! Простому, немудрящему, сиволапому быдлу, которое, в отличие от ученых и просвещённых интеллигентов, относится ко всей этой размалёванной иконной церковности вполне рационально, прямо по Белинскому: «Годится — молиться, а не годится — горшки покрывать»...

10 Почему, собственно, безнадежна Россия? Если коротко — ну, например, потому, что в 1917 г. с первых же дней великой Февральской революции наряду с думскими структурами, сформировавшими потом Временное правительство, возник в Питере и Совет рабочих депутатов. А почему он возник? Да потому, что он уже возникал и раньше, в годы первой русской революции, в 1905-м, и за 12 лет опыт этот вовсе не был забыт. Приехавший в мае 1917 г. в Россию Троцкий триумфально занял снова пост председателя этого Совета, который занимал уже в 1905 г. Можно, правда, спорить, насколько, до какой степени была революция 1905–07 гг. либеральной или же коммунистической (прототалитарной, то бишь). Но все же скорее была она и либеральной, как минимум «и». Пресса выходила свободно, и отнюдь не только либеральная (одних сатирических

журналов сколько было!..); думцев, правда, в 1905-м еще не было, но зато Манифест 1905 г. послужил и созданию Думы (хотя парламентаризм плохо приживался на русской почве и тогда, и еще хуже — сейчас), и свободе партий, и т.д. Не по методам, не по действующим лицам — так хоть по результатам была революция 1905—07 гг. либеральной (насколько вообще возможно хоть что-то либеральное в России) — и память ее светла...

Но вот она, страшная закономерность, предвестник беды и краха: внутри, в самом лоне хиленьких, плохо приживающихся на почве Московии либерально-интеллигентских инициатив — сразу же, с первых же дней рождения этих инициатив возникает чудовищный паразит, солитер, угрожающий самому существованию этого хиленького, дохленького, умеренного либерализма — и даже не скрывающий этого! Паразит внутри, быстро разрастающийся до размеров БОЛЬШИХ, чем сам приютивший и ежедневно вскармливающий его интеллигентский худосочный милюковско-немцовский, родзянко-каспаровский либерализм!!. Он — как бы рядом, параллельно, но — в то же время он и внутри, и паразитирует вовсю: тема эта о 1917-м годе в советских учебниках истории так и называлась: «Двоевластие». Да, Совет формально независим от Временного правительства, и руководит им сперва Чхеидзе, а не Троцкий, — но Совет издает Приказ № 1, фактически парализующий работу Временного правительства, делающий правительство ненужным, — потому что изначально, еще в 1905 г., Совет и был создан согласно известному лозунгу Парвуса-Троцкого: «Без царя, а правительство рабочее». То бишь, Совет — это не парламент при правительстве, не другая «ветвь власти», а — он сам и есть правительство в лице специально выделяемого для этих целей органа — исполкома, самого средоточия, так сказать, советской власти. (А то ведь у нас до сих пор бытует версия, что, мол, Ельцин в 1993 г. совершил ужасное «преступление» — «расстрелял ПАРЛАМЕНТ», хотя это был всего лишь ленинско-троцкистский Верховный Совет РСФСР образца 1917 года.) Советская власть принципиально отказывается от «буржуазного» принципа разделения властей, она сама себе и законодатель, и исполнитель своих же законов, и контролер за их исполнением (а никаких независимых от нее контролеров нет в принципе). Эту суть советской власти специально разъясняет и подчеркивает Ленин, взявший идею Парвуса-Троцкого на вооружение еще тогда же, в 1905 г. Т.е. — советская власть есть ничем не прикрытая и не ограниченная диктатура.

(Ленин так аттестует «диктатуру пролетариата», но реализовываться-то диктатура пролетариата, по изначальному замыслу, должна именно через Советы, в которые «буржуазные» партии просто не будут допущены).

И вот — за этот чудовищный монстр новой диктатуры голосуют больше, его слушаются больше, чем буржуазно-либерального Временного правительства (которое потом само тоже левеет). Ситуация еще качается. Вооруженные банды Совета («красная гвардия») свергают Временное правительство, берут штурмом Зимний дворец. После этого, в январе 1918-го, за большевиков, правда, голосуют в Учредительное собрание меньше, чем им хотелось бы. Но они — именно по этой причине — грубой силой разгоняют и его. Кадетская партия уже под запретом как «контрреволюционная», — всё, либералы проиграли схватку на 70 лет вперед!.. В ближайшие 3-4 года придет черёд и социалистических партий — эсеров и меньшевиков. Солитер сожрал — и изнутри, и одновременно снаружи, парадокс истории! — своего хозяина-кормильца и тем покончил с «двоевластием».

То же самое наблюдаем мы в России в наше время. Правда, в октябре 1993-го на призыв красно-коричневых мятежников, окопавшихся в Верховном Совете России, вся страна и армия не поднялись, как им хотелось. Но все равно — рост всякого рода красно-коричневых партий, соборов, СМИ и пр. структур, рост их влияния и популярности шел с 1991 по 1993 г. вместе с тотальным падением авторитета Ельцина и изначальных идей Августа 1991 г. Нацистам в итоге хватило сил на нехилый мятеж, поддержанный такими государственными институтами, как ВС (хоть это и не «парламент», как они его называли, — именно из-за непризнания принципа разделения властей) и Конституционный Суд. Слава богу, что им не хватило сил победить.

Еще ближе к нам. Путинщина, 2-й срок упыря. Лимонов и его НБП, репресслируемая, переименованная в «Другую Россию», но количественно все еще достаточно сильная, заключает союз с «либералами» немцовско-касыяновского (т.е. имперского) типа, проводит вместе с ними «Марш несогласных», потом возникает «Стратегия-31». В кулуарах Эдичка Лимонов открыто говорит (а потом одна такая запись всплывает и в интернете, — ищите по ключевым словам «сранный Касьянов»), что «либералы» ему нужны только потому, что у них (якобы) денежные и медийные ресурсы, а самих их ни Лимонов, ни лимоновцы, адепты лозунга «Сталин, Берия, ГУЛАГ!», не считают

вообще за людей. Невооруженным взглядом видно: по численности и по организованности в этом союзе одна НБП дает столько же, сколько ВСЕ «либералы» в сумме, со всеми их мелкими партиями и принципиально беспартийными индивидуумами. Столько же, если не больше. Тоталитаризм и тут зримо мощнее — численно, прежде всего, ну и радикализмом/фанатизмом своих адептов.

То же самое мы наблюдаем и на «болотных» митингах 2011–12 гг. На любом из них — красных флагов, да еще если вместе с «имперскими», всегда в разы больше, чем любых, могущих быть отнесенным к «либеральным» (от «Яблока», скажем, до Либертарианской партии Шальнева, — у обоих флаги белые). ☺ Из всех задержанных «болотных узников», включая и уже амнистированных, член номинально «либеральной» партии — РПР-Парнас — только один, это Кривов. В то же время членов левых и разного рода нацистских структур, ну пусть даже не членов, а симпатизантов, — гораздо больше, начиная с Акименкова и Кавказского.

То бишь, действительно, «Россия — левая страна», как сказал в 1996 г. Зюганов. Это чистая правда. Либерализм, идеи свободы, хотя бы самой ограниченной, тут никак не приживаются, — сразу же прямо из них, или рядом с ними, вырастает — до чудовищных размеров — всякая левая мерзость, зародыш — или уже рассадник готового тоталитаризма. Вот потому-то Россия — в смысле реформирования ее когда-либо в свободную страну — абсолютно безнадежна.

11 февраля 2014 г. в фальшивых «теледебатах» якобы «противоположных» сторон по ТВЦ на тему «принятия закона о запрете реабилитации фашизма» (т. е. запретить публично хвалить Власова и читать/продавать книги В. Суворова) кто-то из участников дополнил и без него уже очевидный факт. Сформулировал, что основная идеологическая подпорка режима в России, основа «россиянской» идентичности homo soveticus'ов, — это не только культ лживой «победы в ВОВ» (что и так было известно), но и — всеобщая в России ненависть к гомосексуализму и его неприятие (вместе с неприятием равноправия гомосексуалистов и пр. сексменьшинств, понятно).

Что ж, дополнил и расширил. Спасибо. Ценное признание...

11 Февральская революция 2014 г. в Украине сразу расставила всё по своим местам. В России в последний общественный подъём тупо, вяло, бессмысленно митинговали на Болотной — после

шмона каждого (!) митингующего на входе, вынимания всего из карманов, мусорского копания в сумке... и вскоре, уже через несколько месяцев, эта волна сошла на нет, ходить на митинги стало меньше половины от первоначальных 100 тысяч. В Киеве — по «Беркуту» стреляли, жгли его «коктейлем Молотова», не боялись ничего, шли вперед — и победили!

Попробовал бы кто — еще хоть в самом начале Евромайдана, в ноябре 2013 г. — перегородить вход на киевский Майдан цепью «рамки» и столиков для шмона! Где были бы эти «рамки»! — а в Москве, хотя Болотную площадь со всех сторон окружает вода, ни одна «рамка» не улетела в воду... Так наглядно выявилась древняя, историческая, испокон веков известная миру разница между украинцами — свободным славянским народом — и москалями — генетическими рабами, мерзкой угро-тюркской помесью...

Еще один характерный штрих. Одно из самых первых послереволюционных выступлений Тягнибока в украинском парламенте, показанное москальским ТВ, было о необходимости легализации оружия. В Кацапстане же во всем звучащем в эфире официозе слышны каждый раз, как всплывает эта тема, нотки, граничащие с истерикой. Как верующие кричат «чур меня, чур!» — при виде беса, таким же паническим тоном весь, без исключения, выпускаемый на экран политический класс Русни говорит всегда о возможности свободной продажи оружия.

Почему же можно — вопреки всем визгам о «терроризме» — мочить москалей так, как их замочили в 2010 г. в московском метро, а в 2013-м — в вестибюле волгоградского вокзала? Можно и даже нужно — вот именно потому, что они рабы!

То бишь — не только в наказание за то, что свою власть, от их имени творящую преступления, убивающую целые народы и оккупирующую чужие земли, они не только не останавливают, не только не протестуют, — но, как правило, поощряют и аплодируют ее преступлениям. Но и — вообще — именно потому, что они рабы. (Они сами себя так поставили, они рабы генетические, потомственные, уже много веков, — вот такое «дано» у нас в этой задачке.) А раб, как известно, в Древнем Риме, например, вообще не считался человеком — он был просто говорящей вещью. За убийство раба полагалось ничтожное наказание в сравнении с наказанием за убийство свободного гражданина. Таким образом, сколько бы ни визжали путинские чекистские свиньи

и их подсвинки на телеканалах, — нет никакого вообще преступления в том, чтобы мочить эту рабскую москальскую нечисть, населяющую РФ, хоть тысячами, хоть миллионами. Они — говорящие вещи, а не люди. И наоборот — вопиющим преступлением является убийство ЛЮДЕЙ — любого из ничтожной горсточки свободных людей в этой стране, имеющих человеческое достоинство и отказавшихся быть рабами, — будь это убийство гея толпой пьяной гомофобской шпаны или же убийство Березовского и Литвиненко чекистской кодлой по личному приказу Путина...

12 Современные «русские», живущие в России, — далеко не славяне, вопреки всему, что они сами о себе говорят. «Лица славянской национальности» на просторах от Кёнигсберга до Курил — это разве что украинцы да белорусы, и то — если они не имеют здесь нескольких поколений предков, чья кровь бесконтрольно смешивалась с кровью... местного населения, скажем так.

Но что же это за население? Откуда оно взялось? Увы, первое, что приходится признать, — вся территория РФ, заселенная сейчас «русскими», заселялась ими с территории первоначальной Московии. Владимирщина, на краю которой и возникла Москва; Ярославль, Кострома, Суздаль, Ростов, Переяславль, — в общем, большая часть Золотого кольца. Вот где был их ареал. Граница Московии долгое время проходила по Оке; далее, на юг, в сторону тогда еще не существовавшей Тулы, а тем более Воронежа и Белгорода, — лежало пустое, никем не заселенное Дикое поле, по которому кочевали степные кочевники — тюрки со стадами лошадей и коров. На запад — жили цивилизованные народы, те же самые нынешние украинцы, белорусы, литовцы, поляки. Ниже по Волге, на восток — жили татары. Граница с Великим княжеством Литовским на западе проходила по реке Угре (нынешние Смоленская и Калужская области). Граница с Казанским ханством на востоке проходила по реке Суре (впадающей в Волгу у г. Васильсурска, между Нижним Новгородом и Казанью).

А в Московии, которая тогда еще так не называлась, потому что Москвы тоже еще не было, жили племена: чудь, меря, мурома, мешера, весь и т. д. Угро-финские племена, родственные современным мордве и эстонцам. Культурный уровень их был очень низок, гораздо ниже, чем у соседних народов. Были они дикими лесными аборигенами, практиковавшими человеческие жертвоприношения своим языческим божкам и канибализм.

Вот из кого и возникли современные «русские» (уже в XVIII веке укравшие это название у порабождённых к тому времени украинцев). Дикая, людоедская, абсолютно вне цивилизации жившая лесная нечисть, — вот кто захватил впоследствии полмира. Славяне приезжали в это дикое Залесье из Киева — крестить тамошних дикарей. Еще мог со своей дружиной захватить и сесть здесь князем какой-нибудь младший отпрыск какого-нибудь захудалого княжеского рода Украины (Руси). Никакого другого отношения к Киевской Руси (Украине) — вопреки советским учебникам истории — москвиты никогда не имели. Именно потому, кстати, и не являются они и сегодня ни «одним народом» с украинцами, ни даже какими-то «братскими народами» (любимая выдумка советской пропаганды — «братство» вековых колонизаторов и угнетателей с угнетенными).

Потом, как известно, было монгольское нашествие — монголы-степняки и тюрки, уже покоренные монголами и воевавшие вместе с ними. Они смешались с угро-финскими дикарями, влили свои гены в их наследственность, — и вот так получилась эта жуткая угро-тюркская пометь, изуверски уничтожавшая веками десятки и сотни народов.

Никакой реальной цивилизации — а жадное заимствование любых высших достижений человеческой цивилизации для ее же уничтожения, для захвата всего, до чего только могут дотянуться, вплоть до власти над миром. Абсолютное преобладание рабской, холопской генетики и наследственности; естественная, искони присущая ориентация на Зло, преданное служение Злу в лице любого своего тирана и деспота, от Андрея Боголюбского и Ивана Грозного до Сталина и Путина. Отпущенный на свободу физическую и в свободное интеллектуальное плавание, москаль всегда естественно склоняется на сторону Зла, — рабства, диктатуры, тоталитаризма, коллективизма, лютой ненависти к чужой свободе и имманентных попыток ее уничтожить.

Да-да, они продают Западу газ, покупают западные товары, платят огромные деньги за туризм в западные — и не только — страны. Эта дикая, преступная, людоедская — морально и физически — нечисть представляет для мира угрозу куда большую, чем любой ислам и любая «Аль-Каида». Набрал чудовищную силу и мощь, завладев украденным у американцев ядерным оружием, подкупив Европу деньгами и газом, — дикая угро-тюркская нечисть сидит теперь постоянным членом в СБ ООН и решает там судьбы мира. Потерпев временное — но, увы, локальное и отнюдь не сокрушительное — поражение в 1991 г., теперь эта

мразь руками своего Путина и своей солдатни захватывает по новой всё, до чего могут дотянуться и что им — увы, увы! — позволяет захватить цивилизованный мир. Ичкерия, Абхазия, Самачабло, теперь вот — Крым...

Что же делать? Другого выхода, увы, нет: эта нечисть должна быть уничтожена. Не только ее государство, ее армия, ее Путин и ее РПЦ. Сама эта двуногая слизь, биомасса, «русскоязычные» ли это в Крыму или коренное автохтонное население Московской и Ярославской областей... Может быть, если бы нормальные люди имели бы в своих руках всю полноту власти и полную поддержку Запада (как правительство Гайдара в первую половину 1992 г.), такая власть и смогла бы, пусть и с огромным трудом, нейтрализовать эту нечисть, задавить ее агрессивность, поставить в такое положение, когда биомассе приходилось бы тяжким трудом зарабатывать себе изо дня в день на кусок черствого хлеба, а не митинговать «в поддержку «народа Крыма» (тем паче, что единственный коренной народ Крыма — это крымские татары). Но — вероятность повторения перестройки и всех событий, приведших к власти в 1992 году Ельцина и Гайдара, исчезающе ничтожна. Гораздо реальнее — и разумнее с практической точки зрения — делать ставку на тотальную зачистку 1/7 части суши от живущей там угро-тюркской «русской» нечисти. Рассчитывать на помощь других коренных народов захваченных москалями территорий (казанских татар прежде всего) при этом можно лишь в той степени, в какой удастся преодолеть вековое разлагающее влияние на них москалей, убедить эти народы в преимуществах свободы и независимости, в необходимости восстановления их собственной государственности на территории бывшей России...

А поскольку «геополитика» не меняется от смены флагов на Кремле и названия москальского главаря в Кремле; поскольку Запад — Европа и особенно США — остаются единственными, кого в полном смысле этого слова можно назвать людьми, цивилизованным человечеством, авангардом и пионерами человеческой цивилизации, — то ничего не остаётся, как для укрощения расплзшейся по миру дикой москальской нечисти вспомнить старый, но верный лозунг: «Drang nach Osten»...

Январь–май 2014

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

13 АТОМИЗАЦИЯ — важнейший вопрос всей большой темы о свободе, тот камень преткновения, о который спотыкаются все — как идущие от рабства к свободе, так и в обратную сторону. Атомизация может быть разной, это слово, как двуликий Янус, заключает в себе противоположные смыслы — но при этом у большинства пишущих на общественные темы встречается в значении сугубо негативном.

Так что же такое атомизация? Лучше всего пояснить на примерах.

В абхазском романе-эпосе Фазиля Искандера «Сандро из Чегема» есть такой эпизод. Рассказывает сам главный герой — дядя Сандро.

«Встречаю однажды на базаре братьев Ламба, — начал он однажды в кофейне без всякого вступления, — давно я с ними хотел поговорить, да все случая не было.

— Идемте, — говорю, — в кофейню, у меня к вам разговор есть.

— Пойдемте, — говорят, — дядя Сандро.

Заходим, садимся. Я за свой счет заказываю кофе, коньяк, боржом. Официантка подает, я молчу. Думаю, пусть она отойдет. Она отходит. Я смотрю на них, сидят напротив два здоровых лба и смотрят.

— Догадываетесь, — говорю, — зачем я вас позвал?

— Нет, — говорят они, переглянувшись.

— А отчего, — говорю, — вы такие недогадливые?

— Не знаем, — говорят лбы и снова переглядываются.

— Может, — говорю, — родители виноваты?

— Нет, — говорят, — мы сами такие.

— Значит, родители не виноваты?

— Нет, — говорят.

— В том числе и отец?

— В том числе и отец.

— Так слушайте меня внимательно, — говорю, — я знал хорошо вашего отца. Сорок лет назад его убил холуй князя Чачба. С князем кое-как справилась советская власть, а холуй до сих пор ходит по нашей земле и смеется над вами про себя, а иногда и открыто. За сорок лет советской власти самые дремучие пастухи, — говорю, — из самых дремучих урочищ свет увидели, некоторые даже депутатами стали.

Неужели вы до сих пор такие темные, что не знаете — за отца сыновья должны отомстить?!

— И что ты думаешь, они на мои чистые, красивые слова ответили? — обратился Сандро ко мне.

— Не знаю, — говорю.

— Так слушай, если не знаешь, — заметил дядя Сандро, — так вот...

— Дядя Сандро, — говорит лоб, что постарше, — но ведь нас за это арестуют.

— Козлиная голова, — отвечаю ему, — конечно, арестуют, если поймают. Но ты подумай: как показал двадцатый съезд, партийные люди и то по десять, по пятнадцать лет даром просидели, а ты что, за родного отца отказываешься посидеть? Отрекаешься?

— Не отрекаемся, — отвечает теперь лоб, что помладше, — но, может, в этом деле отец был виноват?

— Ты что, — говорю, — судья?

— Нет, — говорит, — я завмаг.

— Тогда, — говорю, — ты исполни свой долг, а судья, исполняя свой долг, разберется, кто был виноват.

— Нет, — говорит, — ты нас, дядя Сандро, в такие дела не втягивай...

Тут я не выдержал. Я ему напоминаю о чести, я его за свой счет угощаю коньяком, чтобы пробудить в нем мужество, и я же виноват!

— Чтоб я, — говорю, — твой гроб купил в твоём же магазине! Убирайтесь отсюда и чтоб на базаре и в других общественных местах вашей ноги не было, пока я жив!»

Действительно, по традиционным кавказским (и не только) понятиям — сыновья должны мстить за отца, да и вообще — родня должна мстить за своего убитого родственника. «Человек сам на себе не кончается», — формулирует в другом месте тот же дядя Сандро основной закон кавказской кровной мести: за убитого непременно будет мстить его родня не только лично убийце, но и всей его родне. Именно это в родоплеменном обществе часто удерживало людей от убийств и прочих видов агрессивного насилия.

Но сегодняшнее государство однозначно сильнее любого рода и любого клана, даже на Кавказе. (К сожалению, две русско-чеченские войны продемонстрировали это вполне убедительно.) Из города могут приехать полк, два полка, три полка ОМОНа, пёсгвардии, спецна-

за ФСБ — не только с автоматами, но и с установками «Град», и на БТР-ах, если надо, — и они все равно окажутся сильнее всей родни, собравшейся для обороны где-нибудь в горах, пусть даже не только с охотничьими ружьями, но и, например, с гранатометами.

Алексис де Токвиль в своей знаменитой книге «Демократия в Америке», сравнивая аристократические и демократические государства, формулирует так: при демократии условия жизни всех людей уравниваются, сословные различия исчезают — и каждый человек в демократическом обществе оказывается слабым и одиноким. (То есть — можно сказать — атомизированным.) «В большинстве современных государств правитель, каковы бы ни были его происхождение, полномочия и должность, наделен практически всей полнотой власти, а частные лица все более впадают в крайнюю стадию слабости и зависимости», — пишет де Токвиль.

И в самом деле: в родоплеменном обществе род, клан, семья — были силой, а теперь сыновья боятся, что их арестуют, вздумай они мстить за отца. Родня теперь вообще далеко не так дружна, как прежде; видятся родственники, даже близкие, редко; у каждого своя семья, работа, дела — и рисковать годами лагерей за делишки какого-то дальнего родственника, если ему вдруг понадобится помощь и он вздумает созвать на подмогу свой клан, никто не будет. У феодала в феодальные времена был замок, где он мог держать оборону от войск короля, были свои вассалы, которых он мог собрать вместе с их крестьянами — и выставить это войско против королевской армии и королевских притязаний на абсолютную власть.

Ныне — нет ничего. Это — негативная, отрицательная атомизация, которую производит государство и которая выгодна только государству. Все равны перед лицом Всемогущего Правительства (привет Мизесу!). Равны в своей слабости, одиночестве, беспомощности. Есть только одинокий слабый человек, песчинка, гонимая ветром, — и государство, этот самый ветер производящее, тотальное и всесильное. Известно, что прогресс техники, означающий также и прогресс культуры вообще, неумолимо ведет к распаду родоплеменных отношений, к краху феодализма, к тому, что рабы становятся свободными и нанимаются работать за деньги, что земельная собственность дешевеет, перестает прокармливать феодала и его род, дробится на все более мелкие наследственные части и наконец переходит (путем простой покупки) к крестьянину-фермеру, бывшему рабу или потомку раба. Все это

абсолютно верно и логично, но — все это ведет в идеале к рыночной свободе, равновесию и минимальному государству в виде парламентской демократии (если уж совсем без государства не прожить). К тоталитарной полицейско-бюрократической диктатуре всевластного, во все свой нос сующего государства, служащего не «классам», как учили Маркс и Ленин, а исключительно лишь самому себе, себе — как замкнутой, обособленной касте госбюрократов и спецслужбистов, а в России эти категории еще и совпали в XXI веке, — ни прогресс науки и техники, ни разложение родового строя и феодализма, ни капитализм и рынок логически не ведут! Тут уж бюрократия старается изо всех сил — старается навязать себя обществу свободных индивидов, связанных воедино через рынок товаров и услуг, любым путем и любой ценой под любым соусом. Например, через модную после 11.9.2001 тему заботы о (якобы) «безопасности» граждан.

Но — никакой «безопасности» на свете не существует; тот, кто родился, уже тем самым обречен умереть — и никакое отбирание у него прав и свобод, никакая тотальная слежка и прослушка в течение всей жизни не помогут ему избежать этой фатальной «опасности». Не говоря уж о таких вопиющих случаях самонавязывания полицейско-бюрократической банды «государство» людям, вовсе в ней не нуждающимся, как в России, где еще до 11.9.2001, еще в сентябре 1999 г. ФСБ специально взорвала два жилых дома в Москве со спящими в полном неведении жителями, дабы, вызвав по всей стране дикую панику, посадить на трон чекиста Путина как триумфального «борца с терроризмом»...

Могут возразить, что принцип «человек сам на себе не кончается», убийства ни в чем ЛИЧНО не повинных людей лишь за вину их родственника — противоречит принципу «каждый сам за себя». Допустим. Но ведь не меньше противоречит данному принципу, между прочим, и участие в наказании преступника всего госаппарата: полицейских, судей, конвоиров, тюремщиков и т.д. и т.п. — из которых ни один не является пострадавшим от действий данного конкретного преступника, никогда раньше его не знал, не видел и вообще не имеет к нему никакого отношения. Проще говоря — наёмников.

Теперь еще один пример. Как известно, в «черных» уголовных лагерях России есть блатные уголовники — примерно человек по десять на каждый барак, так называемый «блаткомитет»: «смотрящие» за бараклом вообще, за игрой, за «общим» (мифическим) и т.д. «Блат-

ными» их называют потому, что у них всё по блату, всё схвачено, всё договорено с начальством. Они имеют от начальства определенный набор неформальных и негласных привилегий — например, не вставать утром на зарядку, спать до обеда (после игры в карты всю ночь), не ходить вообще в столовую (еду им оттуда приносят шныри), иметь всякие запрещенные в зоне вещи: мобильники, цветное постельное белье, фаянсовые кружки вместо пластмассовых, ходить в спортивных костюмах вместо робы и т.д. и т.п.

Эти привилегии блатные отработывают тем, что «пасут» в интересах начальства остальное стадо эзков, заставляют его соблюдать лагерный режим. Проталкивается эта идея в мозги простых, не блатных эзков под тем соусом, что, мол, так будет лучше для всех, для «массы», иначе, мол, мы все будем страдать от «мусоров». Но на самом деле — страдать будут именно блатные: если блатной «смотрящий» не обеспечит, чтобы весь барак утром выходил на зарядку — вертухаи будут в 6 утра, приходя в барак, вместе со всеми эзками выгонять на улицу, на мороз и самого «смотрящего». А если обеспечит (убеждением ли, угрозами — не важно) — сможет спокойно спать до обеда.

Еще есть правило, что все эзки до 30 лет, не окончившие на воле среднюю школу, обязаны ее окончить на зоне. Но, как правило, уголовники и в зоне плюют на эту школу, не ходят в нее, она им совершенно не нужна, их приходится загонять туда всеми возможными способами.

И вот начальник отряда в лагере собирает свой отряд. В первом ряду сидит самый «авторитетный» блатной этого отряда. И отрядник при всех открыто говорит, что если такие-то и такие-то (называет фамилии) не будут ходить в школу, где учителя давно жалуются на их отсутствие, — то вот этот блатной (показывает на него) будет сидеть в ШИЗО.

Это абсолютно незаконно, разумеется. Но отрядник всегда найдет, к чему прицепиться, за что упечь блатного в ШИЗО, и блатной это очень хорошо знает. Понятно, что, дабы избежать попадания туда, он этих не ходящих в школу молодых уголовников (сам он постарше) загонит туда обязательно, это вам не отрядник, который бить, например, эзков права официально не имеет... Костями ляжет этот блатной, но тех загонит в школу, потому что иначе будет страдать сам!

Так вот, про атомизацию. Основные принципы либертарианства — «Никто никому ничего не должен», «Каждый сам за себя», «Человек

человеку — никто» — направлены именно на ликвидацию подобных вот отношений. На то, чтобы каждый был за себя исключительно САМ, а не вылезали невесть откуда такие вот, как этот блатной, «посредники» между тобой и властью, навязывающие тебе правила этой власти с удвоенной и утроенной энергией. Чтобы человек отвечал за себя исключительно сам — и только тогда, когда действительно есть перед кем и за что отвечать. Потому что в старых книгах попадаются еще примеры, когда, допустим, какой-нибудь патриархальный отец вообразит, что за сына или дочь он отвечает перед... богом (несуществующим, разумеется) — и начинает их остервенело тиранить, потому что боится в противном случае сам гореть в аду за (якобы) плохое воспитание дочери или сына. В том же «Сандро из Чегема», кстати, взрослую, но шальную и беспутную дочь такой вот отец вообще убивает, из ружья, наповал. Правда, тут не о боге даже речь, а просто — старик не мог перенести, что дочь, мол, его «позорит» перед всем его родом, друзьями и знакомыми. Хороший повод для убийства, правда?..

Атомизация людей одного клана, уравнивание всех в одиночестве и слабости перед государством — выгодны только государству как стоящей над людьми тоталитарной, тиранической, самодовлеющей замкнутой касте. Такую атомизацию государство и навязывает всеми силами — в России, например, по умолчанию (как и всегда тут было) считая подозрительным вообще ЛЮБОЕ неформальное объединение людей, будь то политическая оппозиция, клуб собаководов, цветоводов, хоть общество филателистов... Всё неподконтрольное государству — кажется ему по определению опасным именно этой своей неподконтрольностью, — и оно навязывает свою атомизацию, разрушая любые неформальные сообщества, внедряя туда стукачей, сажая их членов (дела «Сети», «Нового величия», БАРСа в России 2-й половины 2010-х годов — лучшая тому иллюстрация) и ставя на прослушку каждого.

И государство же может навязывать людям таких вот «смотрящих», отвечающих за их правильное поведение своими привилегиями. Особенно хорошо попы КГБ-шной РПЦ подходят на эту роль — «пастыри», скрывающие под рясой КГБ-шный погон (привет Талькову!) и учащие людей, как им надо вести себя для лучшего спасения души... и убоготворения земных властителей. Но и начальники бюджетных учреждений, по поручению сверху загоняющие своих работников «голосовать» на путинских «выборах», а потом еще и сфотографированный на телефон бюллетень с отметкой в нужной графе велящие

приносить и показывать — относятся к той же категории навязываемых людям опекунов и посредников.

Атомизация ДЛЯ СЕБЯ — это не зависеть от власти (начальства или родителей, допустим) и не давать навязать себе никого, кто бы за тебя перед кем-то «отвечал», а тебя поэтому заставлял бы делать то, чего хочет государство или требует традиция, «мораль» и т.д. Это решительный уход из-под власти семьи, коллектива, традиции, государства — всего, что навязывается человеку против его воли. (При этом уход из-под власти, скажем, семьи, эмансипация от патриархально-традиционной власти родителей — ничуть не мешает таким вот эмансипированным, друг от друга никак не зависящим родственникам на чисто добровольной основе общаться между собой, дружить и помогать друг другу.)

А атомизация ДЛЯ ГОСУДАРСТВА — это быть слабым и одиноким, ибо все твои друзья и близкие боятся сесть, если вместе с тобой пойдут на какое-то коллективное сопротивление государству или даже другой группе частных лиц.

14 Отсюда логически вытекает простой и ясный вывод: главный враг свободы — это государство. Оно есть враг свободы просто по определению, по умолчанию, это его имманентная сущность. И коммунизм, и нацизм в XX веке создавали тоталитарный ад — апофеоз несвободы во всей человеческой истории — именно с помощью ГОСУДАРСТВА — аппарата принуждения и насилия, возникшего за тысячелетия до них (хотя несбывшийся «пророк» коммунизма Ленин и писал в 1917 г. в «Государстве и революции» вещь теоретически совершенно правильную: «Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства»).

«В конечном счете государство — это использование вооруженных людей: полицейских, жандармов, солдат, тюремных охранников и палачей. Основным признаком государства является то, что оно воплощает свои декреты путем избиений, убийств и заключения в тюрьму. Те, кто требует большего государственного вмешательства, в конечном итоге требуют большего принуждения и меньшей свободы».

Людвиг фон Мизес «Человеческая деятельность».

Примерно через полвека ту же мысль, но с противоположного конца, совершенно идеалистически сформулировал Сергей Адамович

Ковалев, бывший советский политзаключенный, первый омбудсмен ельцинской РФ.

«Если хотите, самое главное обязательство цивилизованного и мудрого государства — это самостоятельное добровольное ограничение своих возможностей и прерогатив. Мудрое государство должно понимать, что оно есть единственный источник нарушения того, что называется правами и свободами человека».

С. А. Ковалев, 1995 г.

(Правда, Мизес писал, что государство необходимо для охраны рынка. Об охраннике рынка, обнаглевшем до того, чтобы начать диктовать продавцам цены и ассортимент их товаров, говорилось уже в 1-й части. Мизес, как и его ученик Хайек, анализировал в середине XX века тоталитаризм в основном на примере нацистской Германии, где царило то, что Мизес именуется «гинденбургским социализмом» (в отличие от социализма ленинского): экономика не огосударствлена полностью, как в СССР, предприятия формально оставлены в собственности их владельцев, но фактически находятся под полным контролем государства, оно диктует и цены на продукцию, и зарплаты рабочим, хотя рынок формально вроде как сохраняется, забирает себе всю прибыль, навязывает промышленности, как и в СССР, свои четырехлетние планы, и т.д. Странно, что Мизес и Хайек, живя в эпоху самого свирепого тоталитаризма, не акцентировали этот простейший вопрос: нужна ли рынку подобная «защита»? Ясно, что если государство, вроде как призванное охранять рынок от грабителей, бандитов, мошенников и пр., само начинает действовать методами грабежа, насилия и разбоя, то лучше уж вообще без охранника, чем с таким вот, распоясавшимся по самое некуда. Для бизнеса, в том числе даже и крупного, как показывает опыт что тоталитарных режимов XX века, что путинской России в веке XXI, государство — по умолчанию скорее угроза, чем защита.)

Навязывая себя людям как нечто, без чего им никак не прожить, государство устами своих пропагандистов пугает людей: мол, без государства настанут анархия и хаос. (А то и еще круче: «Нет Путина — нет России», как сформулировал Володин. Единственным разумным ответом на это является: «Туда и дорога им ОБОИМ!») Собственно, «анархия» и «хаос» в их пропаганде — вещи абсолютно тождественные; анархия в их понимании — это именно хаос. Особенно, конечно, в понимании русских, детей родины тоталитаризма. «Само слово «свобода»

понимается большинством народа как синоним слова «беспорядок», как возможность безнаказанного свершения каких-то антиобщественных и опасных поступков», — писал еще в 1969 г. о русском быдле Андрей Амальрик в своем знаменитом эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 г.?». Слово «свобода» — а уж о слове «анархия» что и говорить! Оно кажется быдлу в сто раз страшнее и опаснее... И этот иррациональный страх быдла перед свободой (тем паче анархией), понимаемой лишь как «беспорядок» и «хаос», — есть основная причина того, что тоталитарное тираническое государство (особенно в России, но не только) век за веком упорно и безнаказанно садится тупому, безмозглому и трусливому быдлу на шею, помыкает им, грабит его, убивает массово на своих колониальных войнах, использует как расходный материал, как цемент для скрепления своей колониальной империи (а последней в мире колониальной империей осталась именно Россия), в реальности быдлу абсолютно не нужной... А способность, все это понимая и осознавая, тем не менее покорно терпеть гнет государства, а если и восстать вдруг — то лишь затем, чтобы посадить себе на шею новое, еще более тираническое, — есть основная национальная черта русского быдла, и название ей — мазохизм.

Документов из недр путинского режима, равных по разоблачительной силе смоленскому архиву ВКП(б) 30-х гг., частично публикуемому Восленским в книге «Номенклатура», у нас в распоряжении пока нет. Но есть парочка примеров — из неисчислимого триллиардного их количества — того, что такое государство в его, так сказать, внешних проявлениях, в его отношениях к своим гражданам.

Сергей Мохнаткин, бывший политзэк, жертва многочисленных ментовских и ФСИН-овских избиений и издевательств, дает вскоре после освобождения, в начале 2019 г., лежа в одной из питерских больниц, интервью корреспонденту Радио Свобода.

«— Что заставило вас вступить за женщину тогда, в 2009-м, на Триумфальной площади?»

— В тот день 31 декабря 2009 г. я пытался «охламонить» полицию на Триумфальной площади. И меня «загребли». А серьезный конфликт произошел уже после задержания, в «автозаке», туда сотрудники милиции за шиворот тащили немолодую женщину, да еще с костылем, да об острые ступеньки. Ей всю спину содрали. Когда я это увидел, я просто ошалел. Я даже не представлял, что такое может быть. Если ей не сломали позвоночник, то по счастливой случайности.

Власть жестоко относится к людям, а я терпеть не могу, когда кого-то дуют. Все-таки власть должна защищать людей, а не «мочить» их направо и налево. Полиция должна беречь нас от разбойников и убийц, а она сама поступает еще хуже, и это не лезет ни в какие ворота».

Анна Буянова, та самая пенсионерка из-под Феодосии в оккупированном Крыму, на вопрос которой о пенсиях премьер Медведев 23.5.2016 ответил: «Денег нет пока... Вы держитесь тут...», — рассказывает через два года корреспонденту «Новой газеты» (№ 49, 14.5.2018), как она живет торговлей овощами со своего огорода:

«Продавать, кстати, тоже непросто — целую схему придумали. Сначала ко мне должен прийти депутат из сельсовета, посмотреть, что у меня действительно свой огород. Потом он составляет акт осмотра, с которым я иду к главе сельсовета. Глава сельсовета в присутствии двух понятых, соседей, сверяет акт: спрашивает у них, действительно ли на моем участке растет свекла, есть ли куры. И когда понятые подтверждают, то он выдает мне справку, что я могу продавать».

Вот тебе, бабушка, и родная гавань... Такова самая суть государства. Бюрократия нагло сует свой нос к нам в карман, в огород, в бизнес, в компьютер, в постель, в наши мысли, куда угодно. При малейшей попытке протестовать — оно начинает месить нас полицейскими дубинками. Конечно, Россия — пример экстремальный, но потенциально, если чуть-чуть ослабить на минуту контроль и давление общества — суть государства именно такова везде, по умолчанию.

15 Стало общим местом не только то, что без государства людям якобы не прожить, но и та теория, что, пострадав от хаоса и безвластия, люди охотно поставят над собой царей, любого, кто сможет «навести порядок», т. е. очередного свирепого тирана. И так, мол, любая революция, любая попытка заменить тиранию свободой будет приводить лишь к появлению новых тираний.

Что ж, для русских эта теория и впрямь верна, они доказали ее, посадив себе на 20 лет на шею Путина. Промучившись девять лет со свободой и не зная, что с ней делать, «выбрали старых палачей, разом избавившись от всех трудных вопросов», — как писал Буковский. Русские этим доказали, что они — безнадежны, что они — не народ, а сброд, не могущий и не достойный именоваться народом. Потомственные рабы, которые в рабстве были зачаты, рождены, воспитаны — и через все реформы, революции и конституции все равно восстанавливали каждый

раз старое рабское ярмо на своей шее. Ими нечего больше заниматься, этот сброд — окончательно списанный материал истории; русские сданы в утиль, в металлолом и макулатуру, и единственный оставшийся вопрос — не в том, надо ли ликвидировать Россию или вновь, в N+1-й раз, попытаться ее реформировать и европеизировать, а — КАК именно ее ликвидировать, какими силами. Наиболее простым и естественным способом ее ликвидации представляется разделение на части, точнее — предоставление частям возможности распада, ибо Россия — лоскутная империя, сшитая штыком, и части эти вместе ничто не держит, ну разве что — кровь «регионов-доноров» — бюджетное финансирование из Москвы. Пусть уйдут и живут самостоятельно хотя бы эти «доноры», как из СССР ушли в рабство и средневековые республики Средней Азии, но в свободу и Европу — страны Балтии. Пусть хорошо станет хоть кому-то, если уж не всем. Реально империю в целостности держит путинский режим (а если конкретнее — ФСБ), и вот на ликвидацию этого режима, несмотря на всю его очевидную преступность, атаки химические и хакерские, полоний и «новичок», вмешательство в чужие выборы и захват чужих кораблей — Запад, увы, так до сих пор и не решается. Хотя потенциал у Запада для этого вполне достаточный.

Теоретически же, если взять нормального, среднего СВОБОДНОГО человека, без русских азиатско-византийских рабских комплексов, какого-нибудь, допустим, типичного белого американца-протестанта, потомка первых поселенцев из Англии или Голландии — он — почему (якобы) не сможет прожить без государства?! Очень даже сможет, еще как! Почему вы так уверены, что без государства его ждет дикий хаос, для избавления от которого наш белый протестант согласится на любую тиранию?

Прежде всего обычно (особенно, разумеется, если речь о России) отсутствие государства связывают с немедленным воцарением власти организованного криминала. Ну да, оно и понятно: обычные люди при демократии — слабы, безоружны и разрозненны, а уголовники (и не только на свободе, но даже и в лагерях) — сильны, сплочены и вооружены.

Возражения начинаются, конечно же, с введения свободной продажи оружия безо всяких справок и разрешений. Вооруженная жертва — уже не такая и жертва, она может в уличного налетчика и пальнуть — а, зная о наличии этих налетчиков, ходить по улице может, держа уже заранее снятый с предохранителя пистолет в кармане рукой.

Многие скажут, что, мол, это очень утомляет и напрягает — постоянно быть начеку, настороже, в ожидании нападения. Не лучше ли, мол, платить налоги государству — и беззаботно ходить по улицам, зная, что тебя охраняет полиция? Нет, увы, не лучше. Во-первых, оружие все-таки дает шанс отстреляться и спасти жизнь — а приехавшая через час полиция убитой жертве уже не поможет. Во-вторых, куда ты, безоружный, денешься, когда эта же самая полиция, вместо защиты, сама начнет тебя на улице или в своем «отделе» грабить, убивать или насиловать??! — а такое бывает сплошь и рядом. Только в США полицейских регулярно убивают — видимо, есть за что! — а в рабской России на это никто не решается...

«Винтовка рождает власть» — когда-то сформулировал Мао Цзэдун. Винтовкой этой, прежде всего, отлично может быть М-16, а не только старая русская «трехлинейка». Но главный парадокс — что формула эта легко может быть истолкована в смысле, противоположном тому, который в нее вкладывал Мао. У него винтовки в руках солдат его армии рождали тоталитарную власть коммунистического государства над населением. Но винтовка, автомат Калашникова, да хотя бы просто обычный «ТТ», имеющиеся в массовом порядке на руках у населения, свободно продающиеся и каждому доступные — могут не родить, а, наоборот, похоронить всякую власть государства над людьми, похоронить полностью или хотя бы в значительной степени. Среди безоружных и беззащитных вооруженная, сплоченная, слепо выполняющая команды полиция — абсолютная власть. Среди народа вооруженного (да к тому же, разумеется, осознающего свое человеческое достоинство, чего в России нет) — полиция, если что, встретит такой отпор, что ей мало не покажется. :) Люди вооруженные, сознающие каждый свое достоинство, уравновешенные, спокойные и ровно-доброжелательные друг к другу, но сурово и бдительно охраняющие от любых посягательств (как от государства, так и от соседей) свои права и свободы, свою жизнь, свой дом, имущество и семью, связанные в общество прежде всего через рынок товаров и услуг, через свободную торговлю, экономику и бизнес, а в качестве надстройки — через какие-нибудь политические учреждения, не имеющие, конечно, никакого тоталитарного характера, никакого права по своему произволу решать людские судьбы, карать и миловать, учреждения выборные и сменяемые (да и то — если такие учреждения, такое государство-light этим людям вообще окажутся зачем-нибудь нужны); совместно, без всякой полиции, в случае чего

дающие отпор грабителям и бандитам, когда пойманного с поличным преступника карают только те, кого это непосредственно касается, а не профессиональная тюремно-полицейско-судебная бюрократия, — вот как не только может, но и должна выглядеть свобода. В отличие от прежних коммунистических утопий такое безгосударственное общество вполне возможно. При мысли об этом первое, что всплывает в памяти, это суровая простота жизни и быта первых поселенцев американского Дикого Запада еще в начале XIX века. А дружба между соседями, как известно, тем крепче, чем выше разделяющий их забор.

* * *

(Разумеется, реальных-то белых пионеров Америки 200 лет назад связывала воедино еще и церковь. Молитвенные собрания, службы и т.п. — все это активно посещалось и играло очень большую роль. О важнейшей роли религии в американской демократии говорит тот же де Токвиль, уверяющий, что американское христианство очень полезно для демократического строя и вполне с ним совместимо; а почти через 100 лет после Токвиля в XX веке его (христианства) громадную роль там подчеркивает также посетивший Америку Макс Вебер.

Но тут американцы, можно сказать, дали маху. 😊 Христианство, оно, конечно, резиновое, в нем ведь «ВСЯКАЯ власть от Бога» (почему бы тогда и не демократическая?) оно очень легко принимает любую форму, как воск под пальцами, легко истолковывается в любых противоположных направлениях, вот почему и не может иметь никакой практической ценности — как проститутка, за деньги ложащаяся под любого клиента). Но со свободой религия, конечно же, несовместима категорически. Тут прямо по формуле Бакунина: «Если бог существует, то человек — раб, но человек может и должен быть свободным; тогда бог не существует» («Бог и государство»). Некие заранее, раз и навсегда предустановленные свыше правила поведения (хотя бы и самые замечательные), отклонение от которых наказуемо (хотя бы и после смерти), — со свободой это не может иметь ничего общего! Когда вся свобода толкуется (попами и их дипломированными лакеями вне церкви, «попами без рясы». по выражению Ленина) таким образом, что твоя свобода — это добровольно и охотно, с энтузиазмом соблюдать все предустановленные для тебя правила, а «свободы» грешить у тебя нет, это запрещено, — то это рабство, а не свобода. Это точь-в-точь

марксово определение: «Свобода есть осознанная необходимость». Недаром о сходстве и даже тождестве христианства и коммунизма так много написано за последние полтора века.

На самом же деле свободой в этой формуле можно было бы назвать лишь ПРЕОДОЛЁННУЮ необходимость (не тогда ты свободен, когда покорно таскаешь ярмо на шее, потому что иного не дано и снять его ты все равно не можешь, — а тогда, когда наконец сломал его, т. е. преодолел!) — и поэтому всякая свобода, как бы там по сей день ни усердствовали в молитвах американцы, начинается лишь с посылания подальше любых сынов и пророков любого боженки с их заповедями и скрижалями, то есть — с преодоления религии.)

* * *

Если представить себе теоретически восстание людей против государства за права и свободы, некую абстрактную модель такой революции, где благородные белые протестанты (лучше, конечно, атеисты) мочат злобных, наглых, жадных пыточников и садистов в полицейских мундирах, — то ЧТО этим благородным героям, одолевшим таких монстров, как государство, его полиция и его спецслужбы, будет какой-то криминал (возвращаемся к теме криминала), какие-то домушники и карманники? Тому, кто в честном поединке одолел медведя, — страшен ли шакал? Уголовники — это именно шакалы и гиены, трусливая, злобная нечисть. Они могут попытаться примазаться к победителям, одолевшим государство, хотя тут не предполагается создавать какие-то новые властные посты, — и их надо, разумеется, гнать поганой метлой! Но реального вооруженного отпора от людей (теоретических, увы, только моделируемых, в реальности таких почти нет), искренне любящих свободу и готовых за нее драться даже с государством, — уголовники не выдержат!! То бишь, достаточно быть смелым и мужественным, любить свободу и быть готовым за нее драться и умереть, и отсутствие государства не станет почвой для тирании криминала, как нас пугают госпропагандисты и их добровольные подпевалы. «Цена свободы — это готовность вступить в драку — в любое время, в любом месте и с беспредельной храбростью», — формулировал Роберт Хайнлайн в «Кукловодах».

К тому же — вступает в действие то, что говорилось выше об атомизации. Монстр государства сильнее любой группы, его все боятся —

и потому стараются ни в какие такие группы и не лезть. Но после исчезновения (или радикального ослабления) государства — остаются лишь отношения индивидуумов и групп между собой. И тут уж кто кого! Надо лишь быть сильнее, не жалеть патронов, да и денег на закупку оружия не жалеть, — и победа обеспечена. Те самые «стрелки» и «бандитские разборки» 90-х, ну да! Ну не в «суд» же государственный бандитам было идти отношения выяснять! 😊 То, что они бандиты, воры, грабители, отнимающие у людей их собственность, — это тема отдельная (жертвам надо учиться давать отпор и всегда быть к отпору готовыми!). А сами по себе отношения уголовных банд, выясняемые силой, — это нормальный пример жизни общества БЕЗ тирании над ним государства. Да, для иллюстрации жизни общества подходят и бандиты, как они ни отвратительны. И какая-нибудь сходка «воров в законе» где-нибудь на арендованном теплоходе, который вдруг с воздуха штурмом берет ФСБ и всех воров арестовывает, — тоже хороший пример, как ни омерзительны «воры в законе» сами по себе. Перед государством они слабы, как и все прочие, оно может накрыть их сходку просто так, ни за что (они же в этот момент не воруют и не грабят!). Без государства борьба с ними будет лишь делом силы, оружия и готовности победить или умереть: по крайней мере, у уголовников нет своего УК, где сказано, что только ударить уголовника — уже до 5 лет лагерей, а попытаться убить (хотя бы только попытаться!) — до пожизненного, как это сказано про ментов в 317-й и 318-й статьях УК РФ. Члены стационарной банды «государство», даже самые низшие, — уже априори защищены этими статьями от любых попыток борьбы против них «при исполнении», как против представителей банды «государство». Все прочие банды такого преимущества не имеют, так что условия борьбы уравниваются. Перестреляв банду уголовников, накрытую тобой и твоими друзьями, ты — герой, защитник свободы и собственности, а не кандидат на п/ж! Так и должно быть, и единственное условие для этого — убрать государство с его априорными преимуществами, ГЛАВНОГО врага свободы, и уравнивать условия игры для всех остальных. Овцы, между прочим, прекрасно могут обходиться без пастуха, особенно если пастух этот — волк. Или — тот волкодав, который сам жрет пасомых им овец ничуть не хуже волка.

Против любого врага и любой напасти вне тирании государства люди могут объединяться — родные, одноклассники, просто друзья и знакомые — без опасения, что «нас ведь за это арестуют». Победителей

не судят, так должно быть, — но государство судит именно победителей (убивших мента, например, или хотя бы ранивших), так как они подрывают его монополию на власть. Этой монополии быть не должно. «Никакой власти никому!» — отличный лозунг парижского мая 1968 г.! Просто — если полезешь, можно получить отпор, не от полиции, а от самой жертвы и ее друзей, не сразу — так завтра, через месяц, через год... И не только ты сам получишь, но и твоя родня может пострадать. (О кавказской кровной мести мы уже говорили — а была ведь еще и итальянская вендетта! А разборки двух банд вполне могут быть заменены личной дуэлью потерпевшего и его обидчика!) И — через некоторое время идиоты и безбашенные типы, всегда, сдуру или спьяну, готовые лезть на рожон, кончатся. Просто будут отстреляны, закончатся, исчезнут — или поумнеют и лезть на рожон перестанут. Оставшиеся будут спокойной жить — без государственной тирании, без всесильной полиции, врывающейся в квартиры или хватающей кого попало ни за что на улицах; будут жить в состоянии вооруженного нейтралитета, — это и есть нормальное, естественное человеческое состояние в обществе! Договор, а не сверху навязанный закон; отсутствие тупо всех давящей сверху силы — и ровный, благожелательный вооруженный нейтралитет между собой. (А агрессивные психи и бандиты-налетчики давно лежат в могилах.) «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути!» :)

* * *

Государство НЕ обязательно. Точку зрения, что оно обязательно, что без него не прожить — вдалбливает людям только оно само. Мощный полицейско-бюрократический аппарат, якобы «заботящийся» о людях и охраняющий их (мифическую) «безопасность», — нужен только участникам этого аппарата, этой банды «государство», остальные в большинстве случаев могут без него обойтись. В повести Горького «Детство» (1913 г.), где дело происходит в 1870-х годах в Нижнем Новгороде, есть такой эпизод. Отправляя Цыганка на рынок за провизией, дед строго наказывает ему: не воровать на рынке (а Цыганок — из озорства — иногда грешил)! Заботится дед при этом, конечно, не о доходах рыночных торговцев, а исключительно о самом Цыганке: поймают на воровстве — избыют прямо там же, на рынке, а могут и забить до смерти!

То бишь, общество не потащит пойманного вора в полицейский участок (хотя участок, конечно, есть и расположен недалеко), не будет настаивать, чтобы его судил судья (судья тоже есть) и т.д. При очевидности преступления и наличии свидетелей общество легко накажет вора само — сурово, но справедливо и за дело. Полицейский и судебный аппарат оказывается при этом обществу просто не нужен. Без него легко обойтись. Тем паче, что полиция может в принципе схватить и посадить кого угодно: судьи тоже тогда особой независимостью от исполнительной власти не страдали, — то есть, вред от этого госаппарата бывает явный, польза же его как минимум сомнительна. Так не лучше ли обойтись без него?

Да, в более сложных случаях, без свидетелей и прямых улик, тем паче без потерпевших (а преступления не может быть без потерпевших!!!) — какие-то преступления остаются нераскрытыми. Но — лучше не наказывать десять виновных, чем зря наказывать одного невинного! Если преступник известен — потерпевший, его родня или друзья идут к преступнику и разбираются с ним и его друзьями; если он сбежал — они ищут его. Но друзья потерпевшего, по крайней мере, уж точно не будут, как сегодняшние менты, стоять у метро и тупо останавливать и шмонать всех подряд, тряся с людей деньги и рассказывая им байку, что каждый остановленный якобы похож на фоторобот преступника в розыске...

Еще есть такая теория, что государство, мол, не только карает и охраняет (полиция/спецслужбы), но и просто помогает людям, организует их жизнь. Собирает налоги на что-то полезное, нужное для людей. Дорожный налог, например. :) «Плачу налоги — где дороги?» — сразу вспоминаются наклейки на автомобилях. Ей-богу, при наличии интернета (коммерческого — и прекрасно работающего как раз БЕЗ государства!) легче скинуться всем, кто заинтересован, и нанять рабочих для ремонта любой дороги, чем всю жизнь платить налоги, содержать на них бюрократию — а дорог в итоге так приличных и не иметь!..

16 Вообще, одно из самых популярных возражений тупоумных филистеров, рабов традиции, против уменьшения, тем паче ликвидации государства совсем — это: государство, мол, нужно слабым, оно защищает их от нападений и произвола сильных. «Защищает», ага, садясь на шею (точнее, даже на голову) и слабым, и силь-

ным, и вообще — всем! Слабый должен стремиться стать сильным, усилиться, выйти из этого своего статуса «слабый» — а не сажать этого монстра на голову себе и всем остальным! КАК именно усилиться — это другой вопрос, его не один человек и не за один день решит, но начинается решение со свободной продажи оружия, конечно. Для детей, для инвалидов, для всех, кто не может носить оружие, другие методы защиты, комплексные, продуманные, их есть еще время найти и продумать всем обществом. Но полицейско-бюрократический монстр государства — точно не вариант, ибо он «защищает» только себя и служит лишь своим собственным интересам.

Государственная же «защита» от преступности и всех прочих бед — это тот же рэкет, что и у бандитов: оно НАВЯЗЫВАЕТ жителям страны свои услуги, не спрашивая на то их согласия и в ультимативном порядке, грозя карами, требует за эти навязанные услуги плату. Точнее, даже не требует, а просто вычитает в виде налогов из зарплаты, то есть занимается откровенным грабежом.

Либертарианство запрещает агрессивное насилие, да. Только не надо путать либертарианство с христианством и наивно думать, что, мол, запрет на агрессивное насилие — это значит, что никого-никого ни в коем случае низ-з-зя убивать! Еще как можно... Либертарианство — это вообще скорее об отношениях индивидуумов, частных лиц МЕЖДУ СОБОЙ, чем оных с государством. Один человек не должен ущемлять другого в смысле его (другого) жизни, здоровья, финансов и имущества, — и всё, а никакие претензии типа «оскорбления чувств верующих» или «растления малолетних» путем всего лишь показа им каких-то «неправильных» картинок — не принимаются! То бишь, для этого типа отношений между индивидуумами сама мысль об ущемлении прав индивидуума ГОСУДАРСТВОМ — это такая невероятная дикость, так давно пройденный этап в истории, рудимент настолько дремучих и пещерных времен, что и словами-то не выразить!..

«Мы — прогрессоры Запада на русской земле», — называла Новодворская в 1999 г. себя и свою команду. Увы, Запад тоже не идеален и не един... Но России до него, конечно, все равно далеко. ЧТО должен думать и чувствовать сторонник либертарианской триады принципов (см. начало 1-й части), когда государство принимает закон об «экстремизме»? А потом — целой чередой, без остановки, как из пулемета: об «оскорблении чувств верующих», об «оправдании терроризма», о «призывах к нарушению территориальной целостности РФ», о зап-

рете пересматривать итоги WW2, сравнивать коммунизм с гитлеровским нацизмом (который с коммунизма был скопирован до последней запятой!) и «оскорблять» колорадские ленточки (которые только на хвосты бродячим собакам повязывать)?

Ответ однозначен. Уже сам акт принятия государством любого подобного закона — это открытый, прямой и непосредственный акт агрессии против прав личности. Против каждого, кто этими своими правами дорожит. Такой закон — это удар, открытый и прямо в лицо. После этого ЛЮБОЕ насилие любого гражданина против любого представителя такого государства по умолчанию является лишь ответным. То есть — разрешенным и законным. Война начата — и начата она не нами, а Путиным, которому в 2000 г. понадобилось заткнуть всем рты и сделать любую открытую критику поводом к уголовному делу и к аресту. Он этого добился, увы. Но теперь — любой его «силовик», бюрократ, чиновник, мент, чекист, «судья», пристав, вертухай, любой самый мелкий винтик его государственной машины — это legal target для всех, кто любит свободу и готов мстить за отобрание прав и свобод! Любой в России, кто в погонах или на госслужбе вообще, — это ЗАКОННАЯ, легальная мишень, его убийство будет делом благим, благородным и святым! Чем больше их уничтожат — тем лучше! Ибо свобода может быть завоевана только в бою и оплачена только кровью! И мучительная рефлексия, терзавшая в свое время, годах в 1902–1906, членов Боевой Организации партии социалистов-революционеров, считавших, что отнятие чужой жизни оправдано лишь тем (и то лишь до некоторой степени), что при этом отдаешь свою, — тут совершенно неуместна! Может быть, потому, что эсеры боролись за права и свободы (не в смысле их земельной программы, конечно, подразумевавшей насильственный отъём земли у помещиков!) в стране, где их еще никогда не было, у них все было в первый раз. А у нас-то отобрали права и свободы, которые, пусть и не в идеально полном виде, но реально существовали все 90-е годы!! Это гораздо хуже и мучительнее — все равно как дать собаке проглотить кусок мяса, а потом за нитку вытаскивать его у нее из желудка... Пусть в 90-е была всего лишь очередная «оттепель»; пусть все «оттепели» неизбежно заканчиваются раньше или позже; но любой удар по государству, сажающему за «оправдание», «разжигание», «экстремизм» и тому подобные вещи, — ответный, и пусть этих ударов будет как можно больше!

Но с «прогрессорами Запада на русской земле» Новодворская таки ошиблась маленько тогда, 20 лет назад. Что, впрочем, понятно: тогда

там еще не было таких законов, как сейчас. Об отрицании Холокоста и геноцида армян — во Франции и Германии (и не только). Об «апологии терроризма» — во Франции, специально принят после массовых расстрелов на улицах Парижа в 2015 г. А уж законодательство против жупела «hate speech» просто в централизованном порядке всем членам ЕС прописано у себя вввести Брюсселем. Говоря совсем мягко — эти законы чисто за слова и за мнения (пусть и за такие отвратительные, как отрицание Холокоста, — но тем не менее) тоже категорически нарушают права жителей западных стран на свободу слова и тоже не способствуют ни легитимации государства в глазах его граждан, ни уважению к служителям таких вот государств-намордников и кляпов. Одна надежда — что EUSSR не сумел еще окончательно похоронить свободолюбие и взаимоуважение западных народов и что ситуация там не настолько фатальна и безнадежна, как в России, а подлежит еще исправлению и лечению. Brexit тому первое свидетельство. И не надо бояться, что распад этого самого EUSSR окажется торжеством Путина, нельзя все на свете мерить Путиным! Слишком много ему чести.

17 СУД именуют некоторые даже и «оппозиционные Путину филистеры в России якобы «высшим институтом для разрешения споров» и даже «основой цивилизации». Мол, если А. неспровоцированно напал на В., а это увидел С. и вмешался — этот С., мол, и есть государство (в «античном смысле», хотя в современном — это, скорее, общество), а если этот С., в свою очередь, вмешавшись, тоже мог быть неправ — то тут-то суд их всех и рассудит, для этого-то он, мол, и нужен!.. ☺)

Это, конечно, чушь. Если кто-то на кого-то (без всякого повода, тем паче) напал — лучшее средство в таких случаях есть пистолет, снятый заранее с предохранителя, чтобы отстреливаться. Дуэль, вендетта, кровная месть — все эти средства в тысячу раз лучше, чем суд, потому что не вмешивают в это дело между напавшим и его жертвой специальный отряд бюрократии — судей и судейских, да плюс полицию, плюс тюремщиков в СИЗО и т.д. и т.п. Дело должно решаться между двумя — так и гораздо быстрее, и эффективнее и, главное, безопаснее не только для этих двоих, но и для всего общества, чем плодить и кормить прожорливую, наглую, циничную бюрократию разных видов, в погонах и штатском, только и ищущую, с кого бы еще чем поживиться и кого бы еще от чего «защитить».

Кстати, по этой же причине недопустима и смертная казнь. Не потому, что убивать вообще никого-никого низ-з-зя и всякая, любая человеческая жизнь абсолютно священна, нет. Не всякая и не любая. Но главный вопрос — КТО имеет право отнимать жизнь. Государству, то бишь банде чиновников и ментов, дать в руки столь мощное оружие было бы убийственным безумием, — кстати, самоубийственным как раз для того самого большинства русских рабов, остервенело требующих уже много лет вернуть в УК смертную казнь. Они при этом полагают, что казнить будут не их, а кого-то другого. Нью-ню... Но, разумеется, на дуэли, или при кровной мести, или при вендетте — убивать убийцу, насильника и т.д. вполне законно. Не по законам банды «государство» законно, а — по естественному праву. Главный вопрос — КТО убивает и почему. Понятие «ОБЩЕСТВЕННОЙ опасности» как главная питательная среда для бандитизма всякого рода «правоохранителей», для бесконтрольного размножения и лютого всевластия оных должно быть исключено из юриспруденции совершенно! Убить может только тот, кого это лично и непосредственно касается, — жертва, либо ее родня или друзья. Только тогда наказание будет справедливым. Государству незачем совать в эту вражду свой нос. Тем более что оно сует его вовсе не из сочувствия жертве преступления и не в благородном стремлении покарать преступника — а лишь для того, чтобы вообще ЧТО-НИБУДЬ, даже сугубо частные отношения людей, вдруг не вышло бы из-под государственного контроля и тем не создало бы (чисто потенциальную) угрозу всевластию государства.

* * *

Хорош ли человек по своей природе или плох? Добр он изначально или зол? Сколько копий было сломано, сколько бумаги исписано по этому поводу философами, писателями, публицистами, богословами, просветителями минувших веков... Прекраснодушный гуманизм Просвещения, руссоистская умиленность, идиллическая уверенность в том, что человек по своей природе, конечно, добр и хорош, надо лишь поместить его в правильные общественные условия и правильно воспитывать, — обернулась через два столетия сталинским ГУЛАГом и «перековкой» политических под бригадирством урок...

В XXI веке стало окончательно ясно, что — если, конечно, рассуждать в таких примитивных, детсадовских терминах — человек плох

и зол по своей природе, а не добр и не хорош. Точнее — люди, конечно, есть разные, но один злобный кретин, бессмысленный варвар — может свести на нет и дискредитировать усилия тысячи добряков и гуманистов-человеколюбцев. Особенно в эру интернета и прочих высоких технологий, каждому крестину легко доступных. Идиллически-гуманистическая утопия, что преступник — всегда жертва «социальных» условий, что их-то и надо изменить, тогда в человеке проявится и пойдёт из него одно беспримесное добро, — оказалась преддверием ада, послужила базой для такой переделки общества, после которой страдать стали уже не только преступники в ГУЛАГе, а тем более — ни за что арестованные политэки, но и вообще все население страны, превращенной в «большую зону». Другое дело, что если население, как в России, состоит из мазохистов, то ему эти страдания только в кайф...

То бишь — от «гуманной» идеи не наказывать, а ИСПРАВЛЯТЬ преступника (тяжелым физическим трудом — для чего и были изначально придуманы ГУЛАГовские лагеря — массовый аналог старой царской каторги, дававшаяся лишь за самые тяжкие преступления) — надо вернуться именно к естественной и логичной идее его НАКАЗЫВАТЬ за его преступления. Да и в самом деле — какое общество, тем паче государство (тем паче — мало зависящее от общества) имеет право влезать в душу к преступнику, посягать на его убеждения, на его личность, на его душевный строй и пытаться менять их?! С какой, собственно, стати? Никто никому ничего не должен! — в том числе и преступник не должен становиться таким благостным и кротким, каким мы хотели бы его видеть! (Да и не способствуют этому лагеря ни в малейшей степени все равно). Но и его жертвы не должны ему ничего — в том числе покорно сносить, когда он их грабит, крадет у них телефон из кармана или убивает их родственника!

Отсюда — элементарный вывод: не «исправление», которое, во-первых, недостижимо все равно в 99%, а во-вторых, на него и права-то никто не имеет, — а именно наказание, наказание и еще раз наказание! Без малейших попыток «исправить», изменить саму его личность, как-то повлиять на нее. Будь то наказание от рук самих его жертв, или все же карательной машины государства, или, допустим, руками государственного исполнителя, но по приговору жертв, — все равно, общий принцип неизменен. Мы, если хочешь, уважаем твою свободу и твое «право» воровать, — в том смысле, что не будем пытаться

отучить тебя от этого, насильно засадить (в лагере) за парту, переделать (там же, в ПТУ) из карманника в сварщика или стропальщика. Но уж коли попался — не взыщи, дорогой друг! Свобода — это личный выбор и личная за него ответственность, без всяких скидок на «социальные условия», особенно если врожденная порочность и дурная наследственность прямо написаны на физиономии крупными буквами. Исправлять и переделывать тебя никто не будет (тем паче — еще раз — что это и невозможно), но, коли попался с поличным — некоторое количество плетей, да еще публично, у позорного столба на площади, придётся вытерпеть. Ибо — чем еще, если не прямо и непосредственно физической болью, можно наказать (не имеющего за душой ни гроша на штрафы), не претендуя при этом ни на его «душу», т.е. личность и убеждения, ни на его рабочую силу?..

Если же кто-то начнет в этой связи вспоминать слова еще Белинского о кнуте, деспотизме и «татарщине»; или выстрел Засулич; или вообще выдвигавшееся весь XIX век Русским Освободительным движением справедливое требование полной отмены телесных наказаний как символа азиатского варварства и дикости, — то тут есть одна тонкость.

Да, требование отмены телесных наказаний было в XIX веке в азиатской варварской России полностью справедливо и прогрессивно, кто бы спорил. Но Освободительное движение при этом как-то обходило, уклонялось или отвечало весьма невнятно на один важнейший вопрос: **ЧЕМ ЗАМЕНИТЬ** телесные наказания? Как-то само собой подразумевалось, что изменение «социальных условий» (то есть отмена частной собственности, которую вся эта тусовка ненавидела еще сильнее, чем царизм) приведет к тому, что наступит «в человеках благоволение», человеческая натура постепенно сама по себе улучшится, воры и грабители откажутся от своего «ремесла» и радостно пойдут трудиться на поля и в цеха ради общего блага...

Этого, как известно, не произошло — а вопрос о наказаниях так и повис в воздухе. Точнее, победившими большевиками само понятие это было отменено — и заменено, по марксистской доктрине, «перевоспитанием» в лагерях. На ум приходит только одно сравнение, чтобы оттенить новизну этого ада перед адом прежним, патриархальным. Во время кишиневского погрома 1903 г., крупнейшего в Российской империи, евреев убивали по старинке — руками, ногами, палками и т.д. — и убили 500 человек. Гитлеровский нацизм построил для уни-

чтожения евреев лагеря смерти с газенвагенами и крематориями, свозя туда планомерно и системно евреев со всей Европы, — и уничтожил их порядка 6 000 000 (шести млн.).

Вот такое же примерно соотношение между старыми методами наказания преступников — и созданным для их «исправления» советским ГУЛАГом. Существующим, между прочим, и поныне. Так что истина становится совершенно очевидной: 10 ударов плетью у столба вместо трех лет бессмысленного тупого сидения в лагере за мелкое имущественное преступление, или 20 — вместо пяти лет за преступление покрупнее, — стали бы актом величайшего гуманизма по отношению к уголовникам. Тем паче, что в ГУЛАГ этот идут работать преимущественно типы с садистскими наклонностями — и пытки, не предусмотренные никаким приговором никакого «суда», практикуются в русских уголовных лагерях очень широко.

* * *

О суде же, между прочим, всё сказал в свое время еще Макс Штирнер в своей книге «Единственный и его собственность».

«Всякое существующее право — чужое право, право, которое мне «дают», «распространяют на меня»... А между тем, что такое право, которое я в государстве или обществе обретаю, как не право, данное мне чужими?.. Моя правота совершенно не зависит от решений глупцов и мудрецов. Тем не менее мы до сих пор домогались именно такой правоты. Мы ищем правоты и обращаемся с этой целью к суду. К какому? К королевскому, церковному, народному суду. Может ли султанский суд решать вопросы о правоте иначе, чем соответственно тому, что султан постановил считать правым? Может ли он признать мою правоту, если она не совпадает с понятиями султана о правоте? Например, может ли суд признать правомерным решением государственную измену, если султан не признает ее таковой? Может ли цензурный суд даровать мне свободу слова и печати, право свободно высказывать свои мнения, если султан не пожелает признать за мною такого права?.. Что же этот суд может дать мне? Он отстаивает правоту султана, а не мою: я там обрету чужую правоту. И только если эта чужая правота согласуется с моей, я тоже окажусь правым на этом суде.»

Исчерпывающе точно сформулировано, правда? Да, действительно, как быть в султанском суде тому, кто вообще не согласен с султаном

и не признает его законы справедливыми? Зачем ему тогда вообще этот суд? Но другого-то нет, в том-то и дело... Скажем, УК РФ считает, что за убийство ЛЮБОГО человека, независимо, кто он, за что убит и т.д., полагается от 8 до 15 лет лагерей. В то же время есть немало людей, за физическое уничтожение которых тому, кто это делает, надо было бы орден давать. Как, например, Михаил Хачатурян, летом 2018 г. убитый в Москве, на Бибиревской улице, тремя своими родными дочерьми. Которых, между прочим, он долгие годы до этого тиранил, мучил, всячески издевался над ними, включая сюда и сексуальное насилие, — так что удивительно, скорее, что дочери терпели так долго и убили этого изверга так поздно.

Кроме общего принципа, о котором говорит Штирнер, суд русский, путинский, точнее, соответствующий формуле Экклезиаста: «место суда — а там беззаконие; место правды — а там неправда», имеет и свои, характерные русские особенности. Главная из них — все тот же, много раз упомянутый, описанный и оспоренный рабский менталитет русских, начало свое берущий еще от Орды, в XIII веке. Орда, потом «святая гниль Византии» (Бакунин), потом немецкая палка Петра, потом сталинские расстрельные подвалы и колымские зоны... Все это выстраивается в одну непрерывную линию. Русские (точнее, москвиты, спёршие нынешнее свое имя у украинцев) — рабы, генетические, потомственные, неисправимые рабы, обожающие свое рабство и — при всем недовольстве властью по частным поводам, типа монетизации льгот или повышения пенсионного возраста — находящие в нем мазохистское удовольствие. Государство для них — сущность абсолютно сакральная, стоящая по определению выше их — своих «граждан»-рабов, — несменяемая, непогрешимая, никому не подконтрольная... То бишь — и эту тонкость надо понять — государство не только в лице Путина, не только Москва, Кремль и Красная площадь. Любой государственный орган — это тоже государство, тоже маленькая частичка большой Системы, несущая в себе все ее свойства. А любой следователь из любого СУСК'а, любой прокурор из любой драной районной прокуратуры на любом процессе в любом «суде» России — это тоже государство.

Отсюда мы наконец понимаем, почему процент оправданий в российских «судах» сейчас настолько низок, меньше 1%, ниже, чем при Сталине. Да просто — «судья» же тоже отсюда родом, из этого же Мордора, в его (ее) жилах — тоже рабья кровь его поротых помещи-

ком пра-пра-прадедов и расстрелянных Сталиным дедов-прадедов. «Судьи» в России никогда не составляли какого-то совсем уж обособленного, замкнутого сословия, чтобы общее рабство не могло попасть и в их кровь, — тем более что после 1917 г. все старые группы и сословия были уничтожены и на их месте возникли новые. «Судьи» в путинской России, пройдя те же рабские детсад и школу, где висят портреты кремлевского упыря, а преподают училки, верящие, что при СССР жизнь была лучше, — эти «судьи» такие же рабы по своему менталитету, как и всё здешнее население. Как же они, рабы государства, могут восстать против писанины следователя и прокурора — тоже представителей государства?! «Ворон ворону глаз не выклюет». «Позвоночное право» есть и сейчас, и председатель «суда» вообще знает заранее, какому «судье» какое дело можно и нужно дать, чтобы не вышло вдруг осечки, — но, в общем-то, это излишние предосторожности. Тут и телефон даже не нужен. Государство в глазах здешнего жителя — сакрально, и если этот житель — «судья», он и так всегда автоматически встаёт на сторону государства (обвинителя) против отдельного человека, частного лица. Это — константа здешнего менталитета, его норма, его status quo. Некоторое подобие беспристрастности эти «судьи» демонстрируют лишь в делах, где вообще никак не представлено государство и не затронуты его интересы. По преимуществу, это арбитражные дела, тяжбы разного рода коммерческих фирм и частных лиц. Поэтому, кстати, если уж суд как учреждение вообще сохранять, то в уголовном процессе, не только в России, а вообще (Россия — лишь особо жуткий, запредельный случай, но тенденции-то общие), стоило бы совсем уничтожить институт ГОСУДАРСТВЕННОГО обвинения, то есть прокуратуру, — и поручить ЧАСТНОЕ обвинение преступника нанятому потерпевшими адвокату с оплатой лишь за достижение полного результата, конечно. Процесс превратился бы в состязание двух адвокатов, а у судьи исчез бы соблазн, как сейчас в России, подыгрывать во всем одной стороне, а другой — отклонять все ходатайства без исключения и тем превращать «суд» в фарс с заранее известным результатом. Кстати, этим будет соблюден и принцип «нет преступления без потерпевшего», что приведет к исчезновению самой возможности плодить в УК бредовые статьи об «оправдании», «разжигании» и прочих эфемерных «призывах» к «неопределенному кругу лиц», ни одно из которых почему-то ни о каком для себя ущербе в мусориат, ФСБ или «суд» не заявляло...

А почему, кстати, судят и сажают за «превышение самообороны»? В нормальной ситуации человек, убивший напавшего на него, вообще ни в чем не виноват: не надо было нападать! Но этот «суд» выжившего в ходе дуэли посадил бы по 105-й статье УК РФ как убийцу, а секундантов — как соучастников... Убитого все эти кары не воскресят — но не дай бог люди хоть в чем-то, хоть в праве на жизнь и на смерть, почувствуют себя сами себе хозяевами, независимыми от государственной бюрократии, выйдут со своими дуэлями из-под ее контроля... Именно контроль за всем и вся, всегда и везде — основной мотив бюрократии. Контроль, дабы не проморгать какую-нибудь угрозу своей власти, — а вовсе не «справедливость», «наказание преступника», «забота о людях» и т.п. побрякушки.

* * *

Зависимость судей от менталитета окружающего их населения, от среды, в которой они выросли, сформировались, — это вообще константа, явление сколь постоянное и неизменное, столь же и естественное. А примером тому — не только политические дела в «судах» Москвы или Питера. Например, на Северном Кавказе по адату (традиционному праву) в случае развода дети всегда остаются с отцом, а не с матерью, как в России и Европе. (Хотя в нормальной — либертарианской :) — ситуации следовало бы, конечно, спрашивать самих детей, если они уже хоть что-то понимают, с кем они хотят остаться.) И традиция эта у чеченцев, ингушей, дагестанцев и пр. настолько сильна и незыблема, что местные жители, служащие там «судьями» в оккупационных имперских «судах», всегда и неизменно, несмотря на ни на какой московский «семейный кодекс», принимают решения о том, что дети остаются с отцом. Отсюда, кстати, и возникают впоследствии скандальные дела об избияниях детей «злыми мачехами», когда отцы женятся повторно. Но «судьи» из местных просто не могут решить иначе, если бы даже и хотели, — рука не поднимется. Менталитет не позволит, они же местные уроженцы. И знают, какое абсолютное неприятие у всех буквально вокруг вызовет решение оставить детей с матерью. Мужчины, в частности, считают на Кавказе, что позволить воспитывать своих детей чужому мужчине (отчиму) они никак не могут. А в России решение посадить политэков в лагерь только за слова, за критику власти — ни у кого никакого отторжения не вызывает,

ибо это здесь тоже было принято всегда, а раньше «крамольников» вообще казнили. И эта рабская психология — «адат» ничуть не менее сильный, чем на Кавказе. Поэтому политических в РФ и сажают опять пачками.

Из всего этого видно, насколько прост и гениален был совет Хахи Бендукидзе, архитектора грузинских реформ, данный им украинцам в одном из последних интервью, незадолго до смерти. Поскольку громадным преимуществом Украины является наличие большой украинской диаспоры в Канаде, к тому же сохранившей свой язык, то Бендукидзе посоветовал украинцам приглашать оттуда людей с высшим юридическим образованием — и назначать их в Украине судьями! Иной, не советский менталитет этих судей, потомков нескольких поколений эмигрантов, родившихся и выросших в свободной стране, — дает хоть какую-то надежду, что судить они будут действительно беспристрастно и честно.

* * *

В чем вообще источник полномочий судьи, его права судить? Лев Толстой писал, что человек, берущийся судить другого человека, сам должен быть абсолютно, идеально чист и непорочен — как (мифический, в реальности не существовавший) Иисус Христос, не меньше! А поскольку таких людей в мире нет, — продолжает Толстой, — то и надлежит не судить, а прощать, как заповедал тот же Христос. Но это — аргумент религиозный, то бишь идеалистический, его ни одна госбюрократия, хоть и кичащаяся своим христианством и «духовностью», ходящая в церковь и т.д., все равно, по причинам вполне утилитарным, во внимание никогда не примет. А как все-таки с аргументами рациональными? Где источник полномочий судьи? Его назначает президент (или — в других странах — парламент). То бишь — ВСЕ «судьи» в России априори, автоматически нелегитимны с момента их назначения за последние 20 лет! А если даже и не 20 — хорошо, еще до захвата Крыма, осенью 2011 г., с того момента, как чисто силовым, ОМОН-овским путем Эдичка Лимонов был лишен возможности собрать подписи инициативной группы по выдвижению его в президенты — ВСЁ!!! Все эти «выборы» Путина в 2012-м с момента незаконного недопуска Эдички к участию в них по умолчанию являются нелегитимными, а сам Путин — узурпатором власти! Соответственно, и его «выборы»

2018 г. уже по одному этому так же точно нелегитимны, и его подпись под всеми законами с 2012 г. — юридически ничтожна, как ничтожны и все его назначения, в том числе и назначения «судей» на их пожизненные посты. (Да и быть главнокомандующим при захвате Крыма он, собственно, права не имел, — хотя к этой агрессии как международному преступлению данный факт уже мало что прибавит.) То есть — в России нет суда даже и чисто формально — юридически.

Если уж суд совершенно неизбежен и необходим, то, по крайней мере, судья должен не назначаться другой ветвью власти, чтобы от нее не зависеть, а избираться населением своего участка (района). Не пожизненно, а всего года на два, не больше. Пожизненность, как и гигантские зарплаты, в России вводились под официальным соусом как бы обеспечения независимости «судей» от взяток. Но тогда получается их зависимость от того, кто их назначил и платит зарплату (а о более глубокой, ментальной их зависимости от государства мы уже сказали). Если же избранный на два года судья будет получать совсем небольшую зарплату, или вообще судить чисто на общественных началах, в свободное время, — да, его могут начать подкупать и покупать. Его решение может тогда диктоваться тем, кто больше предложил — потерпевший или подсудимый.

То бишь — и ни так, и ни этак! Куда ни кинь — везде клин. Это одно компрометирует саму идею судебной власти над людьми больше, чем все остальное, вместе взятое. Ни у одного судьи нет и не может быть полностью легитимных полномочий судить других людей, так как его беспристрастность, по сути, ничем не гарантирована.

* * *

О русском «суде», как и обо всей вообще русской бюрократии, исчерпывающе писал в свое время еще Салтыков-Щедрин. Но и сатирики Запада, несмотря на всю его (Запада) прогрессивность, тоже находили немало поводов для насмешек по адресу этого почтенного учреждения. Вот, в частности, как описывает суд самой передовой страны тогдашнего мира — Англии начала и середины XVIII века — Джонатан Свифт в своих знаменитых «Путешествиях Лемюэля Гулливера».

«Ваша милость должна знать, что судьями у нас называются лица, на которых возложена обязанность решать всякого рода имущественные тяжбы, а также уголовные дела; выбираются они из числа

самых искусных стряпчих, состарившихся и обленившихся. Выступая всю свою жизнь против истины и справедливости, судьи эти с роковой необходимостью потворствуют обману, клятвопреступлению и насилию, и я знаю, что сплошь и рядом они отказываются от крупных взяток, предлагаемых им правой стороной, лишь бы только не подорвать авторитета сословия совершением поступка, не соответствующего его природе и достоинству.

В этом судейском сословии установилось правило, что все однажды совершенное может быть законным образом совершено вновь; на этом основании судьи с великою заботливостью сохраняют все старые решения, попирающие справедливость и здравый человеческий смысл. Эти решения известны у них под именем прецедентов; на них ссылаются как на авторитет, для оправдания самых несправедливых мнений, и судьи никогда не упускают случая руководствоваться этими прецедентами.

При разборе тяжб они тщательно избегают входить в существо дела; зато кричат, горячатся и говорят до изнеможения, останавливаясь на обстоятельствах, не имеющих к делу никакого отношения. [...] Следует также принять во внимание, что это судейское сословие имеет свой собственный язык, особый жаргон, недоступный пониманию обыкновенных смертных, на котором пишутся все их законы. Законы эти умножаются с таким усердием, что ими совершенно затемнена подлинная сущность истины и лжи, справедливости или несправедливости. [...]

Судопроизводство над лицами, обвиняемыми в государственных преступлениях, отличается несравненно большей быстротой, и метод его гораздо похвальнее: судья первым делом осведомляется о расположении власти имущих, после чего без труда приговаривает обвиняемого к повешению или оправдывает, строго соблюдая при этом букву закона.»

* * *

Собственно, и так называемый «Европейский суд по правам человека» тоже при ближайшем рассмотрении оказывается полной туфтой. Чтобы убедиться в этом, из всех бесчисленных дел из разных стран достаточно взять одно: лежавшее там с ноября 2007 г. дело о пяти годах путинского ГУЛАГа редактору и издателю крохотного самиздатского

бюллетеня «Радикальная политика», выходившего в Москве в первой половине нулевых годов и по мере сил защищавшего чеченский народ от активно шедшего тогда геноцида в процессе второй русско-чеченской войны. Решение наконец было вынесено 9.5.2018 г. — и что же мы в нем читаем?

«87. Соответственно, Суд соглашается с тем, что осуждение заявителя может рассматриваться как преследующее цели защиты прав других лиц, а также защиты национальной безопасности, территориальной целостности и общественной безопасности и предотвращения беспорядков и преступлений.

99. По мнению Суда, эти выдержки способствуют, оправдывают (sic!) и прославляют терроризм и насилие. Они раскрывают намерение (sic!) романтизировать и идеализировать дело чеченских сепаратистов, ссылаясь на «национально-освободительную борьбу чеченского народа против колониальной экспансии России» за «независимую Ичкерия». [...]

107. Однако в настоящем деле Суд не может прийти к заключению, что, хотя и неумеренно, рассматриваемые заявления остаются в пределах допустимой критики действий федеральных вооруженных сил в Чеченской Республике. По его мнению, как и другие заявления в рассматриваемой группе, они стремятся к стигматизации и дегуманизации другой стороны конфликта. [...]

109. В свете вышесказанного Суд считает, что в том, что касается этой группы оспариваемых заявлений, вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнений соответствовало «насущной социальной необходимости», а причины, приводимые властями, были «соответствующие и достаточные».

122. [...] В свете своего подхода к таким широким нападкам на этнические и религиозные группы Суд не видит причин отходить от выводов национальных судов и считает, что их соображения в этом отношении являются «соответствующими и достаточными», чтобы оправдать вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения в отношении оспариваемых текстов.

124. Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что [...] вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнений отвечает «насущной социальной необходимости» для защиты прав других лиц, национальной безопасности, территориальной целостности и общественной безопасности, а также для предотвращения беспорядков и преступности. [...]»

Вы поняли, да? Пять лет лагерей ЗА СЛОВА, не за что-либо еще, а только за слова, мысли и мнения — этот «Суд» считает вполне оправданными и отвечающими «защите» таких фикций, как «национальная безопасность, территориальная целостность и общественная безопасность»!.. Возникает ощущение, что «Суд» пишет всё это не в Страсбурге, а в Москве, и не просто в Москве, а прямо на Лубянке... Но нет — в некоторых пунктах данного же решения «Суд» стыдливо, сквозь зубы, скороговоркой признает-таки, что хотя в целом вмешательство в право заявителя со стороны «национальных судов» было, конечно, оправдано, но все-таки пять лет — это слишком уж суровый приговор! И даже присуждает «заявителю», уже давно целиком эти пять лет отмотавшему, не слишком большую, но все же компенсацию в евро. С паршивой овцы хоть шерсти клок, как говорится.

Но вообще — они вполне ясно дают понять, что за слова карать и сажать МОЖНО, что никакого абсолютно табу на любые кары только за СЛОВА у этих «правозащитников» (как и у их российских адептов) нет. В решении по делу о «Радикальной политике» «Суд» ссылается на 10-ю статью Европейской конвенции о правах человека, говорящую, что «каждый человек имеет право на свободу выражения» — и, казалось бы, безобразно и бесспорно нарушенную пятью годами ГУЛАГа за статьи о Чечне. Но — нет!!! В статье 10, оказывается, есть и пункт 2, вполне себе разрешающий затыкать людям рты и сажать их, если того требуют «интересы национальной безопасности, территориальной целостности или общественная безопасность, предотвращение беспорядков или преступлений, защита здоровья или нравственности, защита репутации или прав других лиц, предотвращение раскрытия информации, полученной конфиденциально, или для поддержания авторитета и беспристрастности судебных органов».

Еще раз: вы поняли??! Затыкать рты людям МОЖНО, если только при этом использовать мантру, что этого, мол, требуют интересы «национальной безопасности»! А если ФСБ заведет против кого-то дело — разве сам этот факт не свидетельствует уже об «угрозе национальной безопасности»??!! Ведь «дыма без огня не бывает», у нас же и в 1937-м никого зря не сажали... По крайней мере, русские рабы проглотят любые новые политрепрессии и затыкания ртов, не подавившись, если только им сказать, что это ради «национальной безопасности». Лучшей отмазки для ФСБ в Европе просто не могли придумать. Или — трудно ли по любому политическому делу о свободе слова найти 1-2

экзальтированных бабульки, которые напишут заявления, что крамольные речи подсудимого угрожают их здоровью?! Или — «нравственности» (и никто, ни следователь, ни «суд», не будет их спрашивать, что вообще такое эта «нравственность» и в чем состоит угроза ей)...

То бишь — вся европейская правозащита, леволиберальная, гуманистическая, общечеловеческая и т.д. и т.п. — оказывается на поверку туфтой! Потому что во всех их декларациях, пактах, конвенциях и пр. и пр., начиная еще с самой первой, Всеобщей декларации 1948 г. — в каждой буквально статье о каждом конкретном праве есть такие вот вторые пункты — о том, что данное право может быть без проблем ограничено, если это понадобится государству ради защиты священных фетишей типа «безопасности», «нравственности» и т.д. Это превращает данные декларации, пакты и конвенции в ничто, в дырявое решето, и защищать человека от политрепрессий на основании этих документов — абсолютно то же самое, что носить воду решетом. Государство вообще, в принципе, охотно пользуется любой такой лазейкой при первой необходимости, а уж ФСБ — тем более!!! Смешно даже подумать, что посадка любого, чей голос — комариным писком — слышится еще и хоть как-то диссонирует с общим хором славословий империи и ее плешивому недофюреру, — не будет подана как ликвидация страшной угрозы «общественной безопасности» и «нравственности»!..

Таким образом вся липовая европейская «правозащита» и ее «суд» вроде дешёвки ЕСПЧ — с грохотом рушится, и на первый план выходит чисто американская модель: вооруженный народ, именно угрозой оружия не дающий государству слишком уж наглеть. «Всё решают только пули» (с).

* * *

Вроде бы, как считают многие, суд присяжных являет собой лучший из возможных вариантов отстаивания справедливости в суде. Ведь присяжные-то — обычные люди, не профессиональные бюрократы, и в рассматриваемом деле никак не заинтересованы, как и в какой-то своей кастовой власти над кем-либо, — с чего же тогда им кривить душой?

Так-то оно так, и институт суда присяжных — действительно лучшее, что выдумало человечество в этой области. Но — и отбор присяжных, и сами законы, регламентирующие их деятельность, все условия ее, вплоть до расположения совещательной комнаты, — все это пишут,

придумывают, меняют и регламентируют профессиональные госбюрократы; а уж они-то всегда всё делают только в интересах своей власти, а не в чьих-то еще. И вот — на Западе институт суда присяжных еще более-менее распространен и функционирует вроде бы неплохо; а в России происходит то же самое, что и в XIX веке, после оправдания Веры Засулич в 1878 г.: у присяжных «забирают», из их подсудности выводят дела не только по так называемому «терроризму», но и многие другие, наиболее важные статьи УК, в первую очередь — угрожающие власти государства. Чтоб никому из врагов бюрократии и ФСБ не удалось ускользнуть, пользуясь мягкосердечием присяжных, особенно женщин. ☺) Либо Путин предлагает число присяжных уменьшить с двенадцати до семи, — ну да, чтобы их удобнее и легче было обрабатывать, а обрабатывает-то государство. И т.д. и т.п. Вообще, в этот раз путь от либерального суда присяжных Александра II (см. «Воскресение» Толстого) до военно-полевых «судов» Столыпина Россия прошла гораздо быстрее, чем в прошлый: тогда это был путь примерно лет в 40, а сейчас — меньше 15. Суды присяжных начали вводить при Ельцине, в 90-е; а в середине 2010-х за все виды «терроризма», включая словесный (205.2) «судил» уже только военный «суд». История этой страны ходит по кругу, — вот вам еще одно доказательство. И страна эта совершенно безнадежна...

Кстати, могут возразить, что в демократической стране законы пишут избираемые народом депутаты, так что это уже — не «султанский суд» Штирнера. Но увы, друзья, в России-то конца 2010-х годов он как раз именно что «султанский», совершенно независимо от формального устройства и регламента законотворчества. Достаточно взглянуть на этого плешивого и плюгавого султана в Кремле!.. А по поводу того, насколько депутаты в РФ представляют именно своих избирателей, насколько — Администрацию президента и ФСБ, тоже не может быть сомнений. Ментально — да, избирателей (такие же холуи и жополизы султана). Но фактически, персонально — Кремль и Лубянку, коими состав Думы де-факто НАЗНАЧАЕТСЯ, несмотря на любые имитации любых «выборов». Жополизов ведь в «элите» куда больше, чем 450 мест в Думе. И то, что население, понимая это, покорно терпит это — есть мазохизм и рабство населения. Впрочем, восстань оно — оно поперло бы лишь налево, не за права и свободы, а за социализм и уравниловку, за «все отнять и поделить», что еще гораздо хуже. Так что — выхода нет, страна эта безнадежна окончательно и абсолютно.

18 Если совершенно упразднить государство ради свободы индивидуумов, связанных между собой в общество через рынок товаров и услуг, не окажется возможным (а хотелось бы!) — то одним из совсем немногих министерств, которые придется сохранить, будет, видимо, министерство иностранных дел. Потому что, как это ни грустно, но в отношениях народа, населяющего свою страну, с соседними народами и странами — народ таки должен кто-то представлять, и этим «кем-то», увы, оказывается госбюрократия. Просто потому, что больше некому, — и потому еще, что послы и посольские ведь тоже есть отряд госбюрократии, хотя и совершенно особый, наименее опасный и вредный. Пусть этого посла избирает хоть новгородское вече, вершина демократии, сохранный потом империей, — но все равно посол должен быть один, и в своем деле он должен хоть что-то смыслить, и консультировать его с родины должно все же не вече в полном составе, а кто-то более компетентный именно в этой области и постоянно для консультаций доступный (вече же не круглосуточное и не каждый день собирается!). То бишь, в данной области, видимо, какое-то частичное сохранение государства и бюрократии неизбежно.

Между современными русскоязычными либертарианцами один вид деятельности именно этого, посольско-МИД-овского, отряда госбюрократии вызывает нынче жаркие (относительно, конечно) споры. Это — вопрос о сохранении въездных виз, да и — шире — вообще границ между государствами. Некоторые либертарианцы искренне полагают, что, мол, право на свободу передвижения — это «иду куда хочу», без всяких исключений, и никакие границы, тем паче еще и с визами, мне не писаны.

Когда такого человека спрашиваешь, хотел ли бы он, чтобы в его квартиру вот так же беспрепятственно мог зайти любой человек с улицы и в ней поселиться, не обращая внимания, нравится ли это хозяину, — они обычно отговариваются тем, что страна, мол, квартире совсем не тождественна, к тому же — дом кто-то строил специально, а земля, мол, возникла сама по себе, а не создана кем-то — какие же, мол, на ней могут быть границы! Но когда спрашиваешь такого вот вольного ходока, например, готов ли он ради своей свободы передвижения нарушить чужое право собственности, намеренно преодолев ограждение вокруг чужого участка земли, леса, поля, дачи — неважно, чего именно, но явно частного и огороженного специально, чтобы не лазил кто попало, — тут наш либертарианец-пешеход начинает бормотать что-то о

том, опять же, что лес же, мол, его владелец не сам насадил, да и землю, опять же, никто рукотворно не создал, — как же, мол, ее можно огораживать и не пускать?.. Получается почти в точности любимый еще в 90-е аргумент всех коммуняк и «патриотов»-имперцев, со ссылкой на Толстого боровшихся против идеи частной собственности на землю: мол, «земля божья» (с) Толстой, — как же ее можно продавать?!. 😊) Ну, а либертарианец, отрицающий частную собственность на землю (как и вообще на что-либо), — это, конечно, нонсенс, и либертарианцем такой человек не является.

«Никто никому ничего не должен» — первейший принцип истинного либертарианства. Но если никому ничего не должен я — то никто ничего не должен и мне, тут чистая логика. Следовательно, никто не должен и не обязан пускать в свой дом или в свою страну (а аналогия тут вполне точная) никого, кто там не живет и какого-то априорного права на въезд не имеет. Увы, увы, но право на свободу передвижения — это право на свободу передвижения в СВОЕЙ стране, где власти тоже могут запрещать откуда-то выезжать или куда-то въезжать (в пограничные зоны, скажем, или — в СССР — в «закрытые города»), а не в чужой. В чужой же — только с разрешения ее народа, представленного поневоле госчиновником в посольстве (т.к. больше некем). Точнее, ПОПАДАНИЕ в чужую страну — с разрешения, а уже внутри, попав, иностранец должен пользоваться свободой передвижения по ней наравне с местными.

Огромная проблема наплыва в Европу, особенно в Германию (где социал более жирный), беженцев из Азии и Африки, культурно абсолютно Европе чуждых и не только не желающих ассимилироваться, но, наоборот, местным норвящих навязать свои порядки и обычаи, представляющих угрозу для европейских женщин и т.д., — лучший аргумент за именно такое понимание права на передвижение в либертарианстве. Сирийцам никто не должен сметь запрещать свободно передвигаться ПО СИРИИ, никакой Асад, — но в Германии-то они нафига?! Если (как давно с упоением требуют левые и подпевают некоторые странные либертарианцы) во имя права на передвижение и на убежище открыть все границы — то Европы просто не останется, она будет в кратчайший срок не то что наводнена (наводнена она сейчас), а попросту сметена и раздавлена ордами диких афро-азиатских беженцев! Белые европейцы, никуда не уезжая из дома, в одночасье станут меньшинством в каком-нибудь Европейском халифате. Слов

нет, ДЛЯ СВОИХ границы, конечно, удобнее держать открытыми, чтобы поездка на 20 км из Литвы в Латвию не требовала каждый раз сперва съездить в столицу за визой и отстоять очередь в посольство. В этом — единственная, может быть, заслуга Евросоюза, не окупающая, конечно, ни всевластия евробюрократии в целом, ни того, что, по сути, ЕС есть СССР-light (EUSSR, по меткой формулировке Буковского), ни навязывания из Брюсселя всем его членам хозяйственных стандартов и норм законодательства, вроде пресловутого «hate speech», ни вообще попыток создания из ЕС некоего единого квазигосударства с общей конституцией, общим президентом и т.д. Да, для своих, коренных, с веками европейской цивилизации за плечами — границы лучше держать открытыми, это удобнее. Но — тем строже и жестче должно это пространство свободы и комфорта охраняться извне, от диких орд, желающих въехать и сесть на социал (при этом для всех желающих — не хватит никакого социала и вообще никаких богатств!)

Кстати, двойное впечатление производит и американская эпопея Трампа со стеной на границе с Мексикой, которую (стену) он обещал своим избирателям, еще будучи кандидатом в президенты, а победив — пытался честно выполнить обещание. С одной стороны — радуется, что госсистема Америки не дает Трампу стать диктатором и делать что захочется; Конгресс отказывает ему в ассигнованиях на стену — и всё тут. Это тебе не Госдума... Америка, построенная на разделении властей и системе сдержек и противовесов, на свободе и демократии, — демонстрирует уже третий век подряд, что фундамент этот прочен, сдержки и противовесы действуют, разрушить их и установить тут диктатуру не удастся и не удастся никому — так же, как в России, где столь же прочен фундамент, заложенный в XIII веке монгольскими ханами, никому не удастся установить прочную и надолго демократию. А с другой стороны, хоть левые противники Трампа и считают, что раз Америка — страна иммигрантов, то не может быть и речи ни о каких стенах, — да, Америка — страна иммигрантов, но иммигрантов БЕЛЫХ ИЗ ЕВРОПЫ! Для того чтобы она стала страной латиноамериканцев — отцам-пилигримам не стоило в 1620 г. приезжать из Англии и основывать в Плимуте первое поселение...

Так что — увы и ах, но госбюрократия, главный враг свободы, все же еще в некоторой мере необходима в МИДе и в посольствах, как в некоторых случаях необходимы и въездные визы. Потому что проводить всенародный референдум по приему каждого приезжающего

кандидата в беженцы, когда их каждый день приезжают громадные толпы, не смогла бы даже Швейцария, страна референдумов.

Зато таможня должна быть уничтожена безоговорочно! Если уж человеку разрешен въезд в страну, то рыться в его вещах, а тем паче брать с него неизвестно за что деньги, процент от стоимости ввозимых им для продажи товаров — это чистейший грабёж. (Уж о рытье в багаже своих же собственных граждан нечего и говорить!) Кстати, когда читаешь «Мертвые души» Гоголя — больше всего возмущает, конечно, не то, что Чичиков скупал мертвые души, и даже не то, что он хотел их заложить как якобы живые — а возмущает тот факт, насколько смогло испортить ему предыдущую жизнь таможенное начальство за какие-то мелкие нарушения по службе («Читатель, без сомнения, слышал так часто повторяемую историю об остроумном путешествии испанских баранов, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, пронесли под тулупчиками на миллион брабантских кружев. Это происшествие случилось именно тогда, когда Чичиков служил при таможене.») — тогда как никакой таможни вообще, в принципе не должно быть!..

Таможня, и все «антимонопольные» структуры, реализующие монополию государства на вмешательство в экономику и бизнес. И все «органы опеки», превратившие «защиту интересов детей» в инструмент репрессий против взрослых, в том числе репрессий политических. И прокуратура.

Все эти, и еще многие другие государственно-бюрократические структуры и учреждения, специально созданные для вмешательства государства в бизнес и в частную жизнь своих граждан, для достижения свободы должны быть упразднены.

* * *

Да взять хоть самое простейшее, элементарное в теме о свободе: видеокamеры! Не только в России, но и в нормальных странах, к сожалению, тоже ими буквально увешаны и утыканы сплошь все города, метро, улицы, жилые дома, их крыши, подъезды (снаружи и внутри), шоссе, общественные здания и учреждения типа школ, и т.д., и т.п.

Эта абсолютная, тотальная слежка за всеми объясняется, естественно, «борьбой с терроризмом» (а на дорогах — еще и с нарушениями ПДД). Объяснение это фальшиво насквозь — так же точно, как фальшив насквозь и сам жупел «терроризма». Разумеется, нельзя

совершенно исключить, что когда-нибудь где-нибудь какой-нибудь «террорист» (на самом деле — как правило — диверсант) попадет в поле зрения уличной видеокamеры. Более того, сам акт диверсии тоже может оказаться заснят, — ах, как прекрасен был кадр с камеры на площади напротив ж/д вокзала в Волгограде, показанный по всем каналам ТВ днем 29 декабря 2013 г.!! На нем видна великолепная, яркая огненная вспышка: взрыв в вестибюле вокзала, у «рамок» металлоискателей. Побольше бы таких ярких кадров — и побольше таких диверсий на вокзалах и всех прочих объектах инфраструктуры Мордора! Подделом! — эта страна генетических рабов, четырежды избиравших по своему образу и подобию президентом кровавого упыря, маньяка и массового убийцу, среднее арифметическое от всего спектра их вкусов и запросов, вполне заслужила, чтобы ее взрывали хоть каждый день! Но есть и противоположный пример: когда ночью 27.2.2015 в самом центре Москвы, у Кремля, был убит лжеоппозиционер и крупнейший спец по выпуску пара общественного недовольства в свисток Немцов, то момент убийства не зафиксировала ни одна из ФСО-шных и прочих камер, висящих там повсюду на всех столбах. Специально ли, или так совпало, но все они или не работали, или были отвернуты в сторону, в небо и т.д. Думается все же, что не специально: такой профанатор оппозиции, главный спец по (безнадежному) участию в лжевыборах и по организации бесполезных и беззубых митингов, как Немцов, с его статусом бывшего вице-премьера и крупнейшего по политическому весу «оппозиционера», был гораздо полезнее Путину живой, чем убитый.

Пусть частные банки, фирмы, магазины, учреждения вешают камеры на свои здания, держат под их прицелом свою территорию, — они имеют на это полное право. Хозяин — барин, то есть может на своей территории устанавливать такие порядки, какие хочет. Но на общей территории, на улице или в метро — никто такого права не имеет! Иначе получается, что спецслужбы или какая-нибудь мэрия, формально за эти камеры отвечающая и их вешающая, — полновластные хозяева и города, и пространства в нем, и людишек, тут живущих и по этим улицам ходящих. То бишь — полное и форменное рабство, никакой свободы! Государство в лице бюрократии и спецслужб открыто следит за каждым, не спрашивая ничьего согласия, просто по факту того, что может навязать эту политику силой.

А на силу, как известно, имеет смысл отвечать только силой. Поэтому простейшее, что могли бы (если б вдруг захотели) сделать люди

для реального отстаивания своей свободы в городах, — это сшибать камеры! На улицах, на своих домах, в метро, — везде! Массово, упорно, не боясь репрессий, полиции, штрафов, кутузки... Не русские рабы, конечно — те на такое не способны, — но и в других, приличных странах на улицах тоже хватает этой пакости. И глупо под предлогом того, что раз в 20 лет камера увидит вдруг реального «террориста» — 20 лет позволять государству следить за каждым твоим шагом, за временем твоего ухода и прихода домой, за твоим повседневным маршрутом и т.д. Со свободой такое положение несовместимо абсолютно. Камеры надо сшибать, а те, которые намертво прикручены или слишком высоко висят, — просто расстреливать. Есть надежда, что от пули, хотя бы даже из пневматического оружия, пущенной с близкого расстояния прямо в «зрачок» камеры, она будет сдохнуть сразу и непоправимо, не подлежа восстановлению, — и что массовое убиение камер и громадный рост расходов на их ежедневную (!) замену заставит-таки государство (-а) хоть сколько-то умерить свою ретивость в деле слежки за гражданами.

19 Разумеется, все эти принципы: меньше (а лучше, чтоб совсем!) законов, меньше полиции, меньше налогов, меньше бюрократии и больше свободы, — все они универсальны. Они в равной мере применимы ко всем странам и ко всем человеческим обществам. Но — для этого общества все-таки должны быть **ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ!** Не зря упоминались выше США — времён Дикого Запада и нынешние. Права должны быть у приличных людей, а у неприличных — не должны, как метко сформулировала когда-то Новодворская.

«Ещё и ещё раз о природе СССР» — то бишь, в его нынешней инкарнации, РФ. Истина не тускнеет от повторения; оно — мать учения, как известно; да и тема слишком жгучая, чтобы избегать повторений. Говоря обо всём этом (вышеизложенном) по-русски и в России — вот именно по этой причине невозможно не заметить и не сказать ещё раз вслух: России не поможет ничто, она безнадежна! Этатизм и патернализм — её сущность, без этатизма и патернализма России нет, так что какое уж там либертарианство!.. Но проблема ещё проще — и ещё безнадежнее: на 99% Россия населена такой абсолютно нечеловеческой, бессмысленной биомассой, такой слизью, слякотью, нечистью, грязью и мразью, ничего общего не имеющей с людьми, кроме разве что строения тела, — что о России вообще бесполезно говорить. Она

мертва — и должна быть поскорее закопана, дабы своим зловонием и трупным ядом не отравляла весь остальной мир! (А она, таки да, травит именно ВЕСЬ мир: эта слизь с оружием добралась уже и в Центральноафриканскую Республику, вытеснив оттуда французов!!!)

Все хоть сколько-нибудь нормальные — давно уехали. Россию надо просто закидать ядерными бомбами, по 100 Хиросим каждая, на каждый областной центр, на каждый крупный ж/д узел, чтобы от неё вообще ничего не осталось. «Гори, прежняя жизнь! Гори, страдание!» По её «заслугам» (только в XXI веке — Чечня, Грузия, Крым, Донбасс, самолёт Качиньского, полоний, «новичок», хакерство, пиратство, политические убийства за границей и т.д. и т.п.) — это было бы справедливее всего. Выжженная радиоактивная пустыня от Смоленска и Пскова до китайской границы — единственный правильный вариант для этой всемирной чумы.

Все империи давно распались, эта осталась последняя, и распад её, конечно же, будет явлением целиком прогрессивным, к нему надо всеми силами стремиться, его можно будет только приветствовать. Однако, увы, качество населения не даёт никаких надежд на то, что хоть кто-то из осколков империи сможет построить у себя нормальную, свободную жизнь. Генетические рабы, мало того — вообще иной биологический вид по сравнению с людьми Запада, «иные», или «другие», как в фантастических романах называют негуманоидную жизнь, — какую свободу смогут построить даже в отдельно взятой Твери или Кемерово эти уэллсовские морлоки, оруэлловские пролы, эти толкиеновские орки? Ясно, что никакую. Уж во всяком случае, ни Новгороду, ни Пскову восстановление вечевых демократий точно не грозит. Патернализм, этатизм, любовь к халяве, к выпивке (а ещё лучше — к выпивке на халяву!), к палке и плётке хозяина, к тому, чтобы не думать, не принимать решений и не нести за них ответственность, а во всём положиться на начальника, — всё это никуда не денется и после распада кремлёвской империи.

Рабы и мазохисты, мазохисты и рабы... Уж кто-кто, а эти недочеловеки и впрямь, если даже сверху дать им свободу — всё равно тупо и неотвратимо восстановят себе (и редким единицам приличных людей, имевших несчастье здесь родиться) диктатуру, опять наденут себе — и нам! — на шею ярмо, что они блестяще доказали в 2000 г. Три великих шанса на свободу было у России в XX веке — 1917-й с падением монархии; 1941-й, когда красные в панике драпали от наступающего

на Москву вермахта; и 1991-й, когда рухнула КПСС. И все три были бездарно провалены, просраны, ибо москальской слякоти, населяющей Россию, свобода не только не нужна, но и ненавистна! И теперь, на 20-м году путинской диктатуры, считается невероятным, просто сумасшедшим успехом «демократии» и «назреванием перемен», если на местных «выборах» в каком-нибудь регионе это быдло вдруг проголосует не за давно осточертевшую «Единую Россию», а за... КПРФ или ЛДПР!..

Санкции не помогают и не помогут. На них не стоит и надеяться, к сожалению. Во-первых, Запад попросту боится их решительно вводить, всячески мнётся, мямлит, тормозит как может, — в час по чайной ложке (точнее, даже по капле), шаг вперёд — два шага назад. А во-вторых — мразь и нечисть, именуемая Россией и населённая жуткой биомассой, при этом тем паче может приспособиться к такому «режиму санкций». То бишь — съехать на совсем уж пещерный уровень, к технологиям начала XX века, до индустриализации, пахать сохой на лошади, — и на таком пещерном уровне всё равно продолжать жить, смердеть, коптить небо и всё равно тянуть ручонки к соседним странам. Ходить в набег на соседей, как Орда XIII века, только с ржавыми автоматами вместо луков и на ржавых танках вместо низеньких мохнатых лошадок. Плохо, совсем нищенски жить — но всё же не издыхать (земли под посевы у них всё же достаточно), все-таки продолжать существовать как агрессивное государство мрази и быдла, обожающего своих фюреров-изуверов, и даже, может быть, по-прежнему занимать постоянное место в СБ ООН. Той ООН, которую давным-давно уже пора распустить.

Этих тварей, это бессмысленное быдло, эту жуткую орочью биомассу, населяющую русский Мордор, надо было бы тотально уничтожить, жалеть на пространстве нынешней 1/7 суши абсолютно некого. Это не люди; тут вполне уместен простой вопрос: почему ни травлю тараканов в домах, ни уничтожение крыс по подвалам никто из людей не считает геноцидом, «терроризмом», варварством, нарушением божьих заповедей и т.д.?! Почему ни Greenpeace, ни WWF не заступаются за них? Вопрос этот должен быть наконец задан во весь голос: с двуногими крысами и тараканами надо поступить точно так же (проблема одна: нет в мире силы, одновременно хотящей и могущей это сделать. :(). Орки, двуногие тараканы, гнус, заедающий нормальных людей, — должны быть уничтожены, а нормальные люди в нормальных

странах — пусть живут свободно, т. е. с минимальным государством, а лучше — вообще без государства, и будут счастливы! «Доктор сказал: в морг, — значит, в морг!» — эта фраза из старого анекдота является не только лучшим, но и единственно возможным лозунгом для России, все равно, с Путиным или без него! Свобода не может быть «В» России, свобода возможна только ОТ России и БЕЗ России.

20 «Граждане оказываются под присмотром всепроникающего, покровительствующего государства, которое единолично обеспечивает их занятость и в целом отвечает за их судьбу. Это государство абсолютно, внимательно к каждой мелочи, последовательно, предусмотрительно и великодушно. Его забота походила бы на родительскую, если бы оно готовило своих подопечных к взрослой жизни, но вместо этого оно пытается удержать их в вечном детстве... Так почему бы полностью не освободить людей от необходимости думать и вообще заботиться о своей жизни? День ото дня свобода выбора превращается во всё более бесполезное и случайное занятие, свобода воли запирается в узких границах, а граждане мало-помалу лишаются возможности проявлять свои способности. Основу для такого существования закладывает уравниловка, именно она подталкивает людей безропотно терпеть его, а нередко и рассматривать как некое благо... Я всегда считал, что эта описанная мною форма упорядоченного, мягкого, мирного рабства вполне может облекаться (значительно легче, чем принято считать) в обёртку свободы и что она может утвердиться, даже прикрываясь лозунгом независимости людей». Алексис де Токвиль, «Демократия в Америке».

Казалось бы, ни убавить, ни прибавить. Но... «Сатурн» почти не виден» — был в своё время такой советский фильм. Свобода тоже в наше время почти что не видна. По миру шагает, прёт на всех парах «консервативная революция», несущая разного рода «традиционные ценности» и прочее затхлое старьё. (Если уж в Фейсбуке, несмотря на всю американскую свободу слова, в 2018 г. запретили не только сексуальные фотографии, поиск сексуальных партнёров или набор артистов для порнофильмов, но и просто разговоры о сексе, — куда уж дальше?!) Особенно это видно, опять же, на примере России, где путинский режим есть смешение воедино всей мерзости царского и советского режимов, всей архаики, мракобесия, традиционализма, совка, причём, как правило, основа системы, фундамент государ-

ственной машины, коей рулит Путин, от «силовых министерств» как таковых до решёток на тюремных окнах — советские; а вот всякого рода словесный флёр, цветные занавесочки на этих окнах, различные идеологические рюшечки, бантики и вишенки на торте — вполне могут быть досоветскими и монархическо-ностальгическими. Но об этом мы говорили уже в первой части.

По всему прочему миру при этом, к сожалению, тоже полно всякого рода традиционалистов, социалистов, уравнилелей, заботников о «нуждах трудящихся», о соблюдении божьих заповедей, об уменьшении «социального расслоения», борцов с «обществом потребления» и пр. и пр. и пр. Одни уверяют, что миллионы арабских, африканских и пр. мигрантов имеют полное право приезжать и селиться в Германии, Швеции и других странах Европы независимо от того, нравится ли это коренным их жителям, а если не нравится — пусть, мол, коренные жители сами эмигрируют куда-нибудь. Другие тычут в нос библейскими и прочими «священными» текстами, где обсуждается «ссудный процент», и требуют, чтобы бизнесмен брал с покупателя некую «справедливую», основанную на христианском человеколюбии цену. (Ещё Мизес высмеивал таких в «Человеческой деятельности, но, тем не менее, им и горя мало — эти исусики не переводятся по сей день и учат нас, как нам жить.) Полно таких, кто борется как с величайшим мировым злом — с абортами (а кое-кто — даже и с разводами), и наиболее ретивые — в России опять же — доходят до того, что пишут в ЕСПЧ (!) жалобы на отказы следователей России возбуждать по каждому факту аборта уголовное дело за убийство!.. Пока ещё в странах Европы, где о допустимости абортпроводятся референдумы, это право, слава богу, подтверждается большинством голосующих. Но — например, во Франции несколько лет назад, во время президентства Олланда, легализация однополых браков расколола страну практически пополам: на ультратрадиционалистские демонстрации ортодоксальных католиков и пр. выходило мракобесов-гомофобов не меньше, чем людей на демонстрации в поддержку легализации ЛГБТ-браков. И даже несчастные, совершенно невинные картинки и фото под общим названием «детская порнография» табуированы в сознании ультраконсерваторов настолько, что даже в цивилизованных англосаксонских странах — вершине мировой цивилизации! — Англии и США преступлением считается не то, что их изготовление, но даже и ХРАНЕНИЕ (!!!) у себя в компьютере. Достаточно вспомнить «дело» Владимира Буковского

2015 г., которого именно таким образом — подобными фотками и доносом о них в полицию — ФСБ решила скомпрометировать в глазах английского общественного мнения. Невыносимо позорен сам факт, что в одной из величайших по уровню цивилизации и прогресса стран мира можно подобной чепухой очернить человека в чьих-то глазах.

Таковы эти враги свободы, коих, увы, немало даже и в свободных (пока ещё!) странах: консерваторы, ортодоксы, моралисты, социалисты и т.д. Единый фронт социализма и морализма против свободы, кроме путинской Московской Орды, другим своим высочайшим пиком имел, видимо, недавнее «Исламское Государство», организованное строго по законам шариата и при этом многими аналитиками воспринимавшееся как некий вариант «исламского социализма», как попытка устроить все ту же пресловутую «социальную справедливость», но на сей раз в шариатской обёртке. Особо «справедливым», надо полагать, было там положение вдов погибших бойцов, в том числе и с иностранным гражданством: их собирали в так называемых «вдовьих домах», откуда они, по шариату, не имели даже права выйти без сопровождения мужчин, а так как мужчин не было — несчастные вдовы не имели зачастую даже еды и полностью зависели от того, кто согласится им ее приносить...

Таков он, этот единый фронт традиционал- и социал-моралистов, «левых» и «правых» сторонников приоритета коллективного над личным, против свободы. Есть ли вообще надежда, что свобода таки пробьет себе дорогу, одолеет это скопище добровольных рабов, государственников, охранителей и тюремщиков в душе? Бастионом свободы, пожалуй, в основном остается в мире только Америка — та самая Америка, где тоже полно консерваторов, традиционалистов, религиозных фанатиков; где вера в бога вообще зашкаливает по сравнению с Европой. Свобода консервативного, полутрадиционалистского (такой вот парадокс!) толка — с «богом» в башке, но при этом с пистолетом в руке: свободная продажа и владение оружием остаются одной из главных, фундаментальнейших свобод, на которых стоит Америка уже 200 с лишним лет, показывая пример всему остальному миру. В то же самое время в Германии, например, как самой яркой витрине Европы, свобода, скорее, с левым креном — «социальная справедливость», пособия мигрантам за счет местных, да еще и грубое нарушение свободы слова: законы против «hate speech», насильно навязанные всем странам ЕС, запрет нехорошо говорить вслух о тех же мигрантах, и т.д. и т.п. Опять та же дилемма: или «бог» и традиционализм — или же левизна,

принудительная уравниловка по всем пунктам, от доходов до цвета кожи, и затыкание ртов всем критикам такого порядка. «Традиционные ценности» с «богом» и «социальная справедливость» с уравниловкой — как Сцилла и Харибда, между которыми надлежит пройти кораблику Свободы. Той полной и абсолютной свободы, которой пока еще нет нигде в мире — и за торжество которой только и имеет смысл бороться (и для этой борьбы жить). Традиционал-религиозники и леваки-уравниватели при этом и на практике часто заключают альянсы (вспомнить хотя бы большую и шумную «красно-коричневую» оппозицию 1990-х годов в России) — и одинаково любят государство! Навязывают нам своего «бога» и отбирают наши деньги в виде налогов они только через государство — этот универсальный механизм грабежа и насилия. Борьба против государственной машины как таковой, за то, чтобы ее максимально сократить и ослабить, лишить как можно большего числа полномочий, а в идеале — ликвидировать совсем, — резюмирует собой, таким образом, всю борьбу за свободу против любых ее врагов в любых частях мира.

«Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем», — говорит Экклезиаст. Это не позволяет надеяться на то, что настоящая, полноценная и навсегда (а не в виде «оттепели»!) свобода восторжествует когда-либо, например, в России, как и, допустим, в странах чёрной Африки или в Китае. Но позволяет все же робко надеяться, что она сохранится хотя бы в тех странах, которым была исторически присуща, англосаксонских в первую очередь. Человечество останется разделено, и это не хорошо и не плохо — это данность. Магдебургское право; шляхетский Сейм, избирающий короля; права городов, цехов, университетов; наконец, свобода восставшего народа, казнящего своих тиранов, будь то в Англии в 1649 г. или во Франции в 1793-м, — многое, многое можно вспомнить из истории Европы как подтверждение ее имманентной, изначально ей присущей свободы. Наступающая широким фронтом на мир «консервативная революция», волна пуританизма, морализма, ханжества, волна исламизации Европы и т.д. — все это ставит вопрос о том, удастся ли хоть в Европе-то в обозримой перспективе отстоять хоть какую-то часть прежних, исторических ее свобод. Или затыкание ртов под предлогом запрета «hate speech», законы об «апологии терроризма», как в нынешней Франции, и т.п. тоталитарные новации — станут ее могильной плитой? Во всяком случае, первой горстью земли на гроб свободы все

и всякие европейские законы о «hate speech», «апологии терроризма» «отрицании Холокоста» и т.п. уже стали...

* * *

Отвергнуть религию! Отвергнуть социализм! (Который по сути — тоже религия, хотя и без потусторонности.) Поклонение, преклонение, культ, морализаторство, ханжество, традиционализм, уравниловка, распределение, бюрократия, империя, государство — все это, представляющее, при всех своих противоречиях, одну сплошную реакционную массу врагов и ненавистников свободы, должно быть послано лесом! (И вообще, замечали ли христиане, что когда они с придыханием пишут своего Христа с больших букв даже в виде местоимений: «к Нему», «о Нём» и т.п. — то это типичный культ личности, еще почище сталинского?) Свобода — это: 1) никто никому ничего не должен; 2) каждый сам за себя; 3) человек человеку — никто. Жизнь на пересечении своих желаний и возможностей, в рамках законов физики, химии, биологии, экономики, но без установленных людьми искусственных запретов и ограничений, без всех этих «священных долгов», «традиционных ценностей», «божьих заповедей», «моральных кодексов» и тому подобных нагромождений бессмыслицы и вранья. Все общности — расы, нации, классы, языковые, религиозные, социальные, профессиональные и т.п. группы — более или менее ложны. Полностью и до конца реален только отдельный человек. Только человек есть мера всех вещей, абсолютная ценность. Хотя, надо признать, в свете того, как коротка, брэнна, бессмысленна и полна скорбей и мучений вся его жизнь; как легко его, беззащитного и ничего не подозревающего, уничтожить (хотя бы той же внезапной стрельбой по толпе, взрывами и стрельбой в мечетях, церквях и т.д. — таких случаев немало было в последние годы в США, Новой Зеландии, Шри-Ланке и т.д., изредка даже в России) — тоже не такая уж и абсолютная. Но, тем не менее, ничего лучше и важнее у нас нет.

Отвергнуть религию, социализм и государство, отвергнуть все ложные общности — вот формула свободы, вот ее азбука. То, что писал о государстве Ленин — что, мол, оно есть лишь машина для подавления одного класса другим, механизм классового (именно классового!) господства и угнетения, — это собачья чушь! Возможно, в конце XIX века английский парламент и производил такое впечатление, что он — инструмент именно буржуазии для управления государством; но это —

идеальный вариант, и без острой и тяжелой борьбы его не достигнуть. Ситуация, когда весь аппарат государства, весь его механизм со всеми шестеренками и приводными ремнями служит именно интересам какого-то класса, его представляет и от его имени действует — это идеальный случай (особенно, конечно, если этот класс — буржуазия). Ибо обычно в демократических странах государственный аппарат норовит служить самому себе и обслуживать самого себя, а не какой-либо класс населения страны. Чиновничий аппарат стремится служить только составляющим его чиновникам. По тому, как в путинской России еще 20 лет назад были ограблены, посажены или выдавлены из страны такие крупнейшие бизнесмены, «олигархи» предшествующего, ельцинского периода, как Ходорковский, Невзлин, Березовский (впоследствии убит чекистами за границей), Гусинский, Бендукидзе, а совсем недавно — уже крупный бизнес собственно путинской эпохи: Михальченко и братья Магомедовы, например; по тому, как в путинской Империи Зла элементарно просто оказалось с помощью насылаемых на любой крупный бизнес проверок прокуратуры, налоговой, СЭС, трудовой инспекции, пожарной охраны и пр. и пр. разорить и отобрать любой бизнес у его владельца; по тому, как оставшиеся формально владельцами своих крупных компаний другие «олигархи» (потерявшие все свое влияние на власть, то есть никакими олигархами не являющиеся) уже 20 лет как стали фактически просто приказчиками в своих (номинально своих) компаниях — мы видим истинную цену мифа левых о государстве как механизме КЛАССОВОГО господства буржуазии.

При монархии госаппарат, естественно, служил монарху — и не скрывал этого, это служение разумелось само собой. При демократии же он формально вроде как служит народу, но на деле — старается служить лишь самому себе за счет народа. Всеобщее избирательное право — предмет особой гордости демократии лет сто назад — приводит сплошь и рядом к тому, что толпы безмозглых идиотов «по приколу» и «для смеха» голосуют за всякую шваль, ничтожествов, профессиональных популистов и т.д. (лучший пример — Жирик, именно таким образом удерживающийся на политическом Олимпе уже больше четверти века). Громадное завоевание демократии начала XX века — право женщин участвовать в выборах — приводит ныне сплошь и рядом к тому, что миллионы бабушек и тетушек предпенсионного возраста выбирают, за кого им голосовать, не по программам, не по идеям и взглядам кандидата, а — по его внешности и телевизионному обаянию!..

Всеобщее торжество легкомыслия, популизма и идиотизма захлестывает Европу и мир (о Московии вообще говорить нечего). Разумные и ответственные люди могли бы быть избраны во власть лишь такими же разумными и ответственными избирателями, которые что-то вкладывали бы в это государство — и потому не считали бы возможным определять его судьбу «по приколу», как ныне делают миллионы безответственных люмпенов. Всеобщее избирательное право не просто себя не оправдало, но и оказалось губительным (представьте себе для примера хотя бы всеобщее голосование перепуганных пассажиров и команды тонущего «Титаника» по вопросу о методах его спасения!). Для ответственного голосования необходимы не только ответственные кандидаты в парламент (а президентские посты не нужны вообще!), но и ответственные избиратели. Отсечь громадные толпы ничего не имеющих, ничем не рискующих, ничего не понимающих и не соображающих люмпенов могли бы избирательные цензы — имущественный, интеллектуальный, образовательный, добровольная уплата налогов на определенную сумму (о принудительной вообще не должно быть речи!), и т.д. и т.п. Вопрос в том, как их ввести; похоже, меньше чем вооруженным восстанием и полным свержением нынешних популистских «демократий» тут не обойтись, добровольно популисты на это не пойдут никогда! :(((Введение цензов и избрание нормальных людей вместо популистов, вкупе с максимально возможным урезанием прав парламента и госаппарата в целом, уменьшением числа законов, сокращением бюрократии и дерегуляцией всего, что только возможно, — может быть, несколько улучшило бы ситуацию с государством как врагом свободы, если оказалось бы, что совсем, полностью государство ликвидировать нереально (а такое может случиться). Хотя, ясное дело, панацеей не было бы и это: может быть, почтенные и солидные буржуа, сидя в парламенте не просто демократическом, а меритократическом, избираемом при помощи цензов, и впрямь постарались бы принудить государство служить им, буржуа, и вообще — народу, а не самому себе. Дай им бог, но битва эта будет нелегкой! Ибо в полицию, суды, спецслужбы, прокуратуры и пр., раз уж они существуют, одних буржуа не посадишь, а те «профи», которые там работают, как мы видели, умеют пользоваться своими полномочиями так, как им выгодно, а не так, как выгодно нанимателю и работодателю — будь то буржуазия или народ в целом. В России, собственно, этот вектор развития и это соотношение сил выяснилось очень рано —

еще с конца 1994 г., когда в центре Москвы, у тогдашнего здания мэрии на Новом Арбате, в ходе конфликта гэбня из службы безопасности президента уложила лицом в снег охранников из соответствующего подразделения группы «Мост» Владимира Гусинского. Этот символический инцидент стал никем тогда еще не понятым пророчеством о дальнейшем ходе (по кругу) истории России и о том, чем и как закончится в самом конце XX века попытка ельцинско-гайдаровских реформ, модернизации России и ее вестернизации.

Больше ни о каких подобных надеждах не может быть и речи, даже если после Путина и разразится очередная «оттепель»: Россия доказала, что она безнадежна и неререформируема, — и должна быть ликвидирована. «Доктор сказал: в морг, — значит, в морг!»

21 «Фашизм эстетизирует политику. Коммунизм в ответ политизирует искусство», — сформулировал когда-то Вальтер Беньямин. Бог его знает, что лучше: либертарианству глубоко чужды и враждебны все тоталитарные идеологии. Но выражать политические идеи средствами искусства бывает иногда действительно эффективнее и полезнее, чем презренной публицистической прозой. Вот, скажем, стихотворение Дмитрия Воробьевского, старого, еще с 80-х годов, члена Демократического Союза, известного у себя в Воронеже оппозиционного активиста, лично попадавшего под асфальтовый каток государства не раз: в 1982 г. — за отказ от службы в Советской армии; в 2015–2016 гг. — за ту самую оппозиционную активность в Воронеже, участие во всех тамошних митингах с постоянным плакатом: «Путина и его гэбистскую «бригаду» — долой!». Его стихи — это, собственно, всё, что вы хотели знать о государстве, но боялись (у него же) спросить.

ИСТОКИ ГОСУДАРСТВА

Собрались однажды вместе,
Может, сто, а может, двести
Бандюков с большой дороги
В чаще леса, у берлоги.

И решили те бандиты:
«Чтоб ни биты, ни убиты
Не бывали мы народом,
Больше мы не будем сбродом!

Мы теперь — не проходимцы,
Не разбойники-убийцы!
Мы отныне — Божье царство,
Или проще — Государство!!

Будем грабить по закону
И молиться на икону!
Назовем грабеж налогом,
Скажем: он ниспослан Богом!

Свой карман набьем мы золотом!
Бог поможет!..» (Дальше — матом.)
«...Коль второй карман — порожний,
Назовем разбой таможей!

На большой опять дороге
Погуляем!.. С нами боги!...
По свободе справив тризну,
Возведем себя в Отчизну,

Чтоб служить для нас рабами
Приходили б лохи сами!
(А для тех, что не пойдут,
Приготовим кол да кнут.)

Скажем быдлу: в вашей жизни
Главный долг — служить Отчизне
И платить для нас налог,
Потому что с нами Бог!!...

В общем, кончились мытарства,
Мы отныне — Государство!
Будет вечной наша власть!!
Отожремся, братцы, всласть!!!»

*Дмитрий Воробьевский,
2018 г.*

БОРИС СТОМАХИН

АЗБУКА СВОБОДЫ

Підписано до друку 18.09.2019 р. Формат 60×84/16. Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 5,81. Тираж 1000 прим. Зам. Ст-1-19.

Комп'ютерна верстка та друк ТОВ "ДІА": 03022, Київ, вул. Васильківська, 45.

Свідцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців серія ДК № 1149 від 12.12.2002 р.